

Амина Шах
Сказки с базаров

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Шах А.

Сказки с базаров / А. Шах — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-017-7

Предлагаемый вниманию читателя сборник «Сказки с базаров» уникален тем, что входящие в него сказочные сюжеты сохраняют энергию изустно-доверительного рассказа: ни одна из сказок не приводится по письменным источникам. Амина Шах, известнейшая современная собирательница фольклора фиксирует в виде печатного слова народное предание, устоявшееся до степени сжатости математической формулы, с заложенной в ней способностью к развертыванию.

ISBN 978-5-91051-017-7

© Шах А.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Сказки с базаров	6
Зора, дочь ювелирных дел мастера	6
Старик и искатель	9
Драчун и ядовитая рыба	12
Королевна Фантазистана	14
Дочь воина и четыре ее жениха	17
Царица Савская и неверный	18
Обман калифа	21
Сказки из Турции	24
Путешествие принца Аттилы на Край Света	24
Король, пес и золотая плошка	27
Госпожа из поставца	29
Бедняк-птицелов и говорящая птица	34
Сказки из Персии	36
Царевна Фероза и конь-королевич	36
Ткач и дэв	39
Водонос и три грецких ореха	40
Рустам и железная крепость	44
Кольцо шаха	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Амина Шах

Сказки с базаров

Книга посвящается детям благотворителей и нашей издательской команды:

***Иосифу Беджамину и Елизавете Варваре Арановым,
Дарье и Ольге Воробьевым,
Рахиму Джасыбаеву,
Никите и Алине Макаровым.***

Сказки с базаров

Зора, дочь ювелирных дел мастера

Некогда был один ювелирный мастер, который делал столь искусные вещи из серебра и золота, что и вблизи и вдали прослыл своим добрым именем. На базарах всего Дамаска ювелирная работа его оставалась непревзойденной. И стал он в такой славе, что сам Князь Тьмы, злой Иблис, однажды препожаловал взглянуть на его вещицы.

Золотых дел мастер сидел за верстаком, довершая отделку роскошного ожерелья одной великородной госпожи, для ее свадебного наряда, когда увидел темный лукавый лик сатанинского Князя, разглядывающего выставленные в окне на показ изумительные драгоценности, усаженные дорогими камнями. Рога на голове Злого Духа прямо сказали мастеру, кто его покупатель, и когда статная, облаченная в черные ризы фигура вступила в лавку, он вскрикнул: «Смилуйся надо мной, о великий Князь Тьмы! Или это последний мой час пришел?»

Злой Дух улыбнулся и молвил: «Можешь оставить свой страх, о превосходнейший из ювелиров, твоя година еще не настала. Я пришел не затем, чтобы свести тебя со свету. Я слышал о замечательном твоём мастерстве и возымел желание взглянуть сам. Сколь восхитительно то, что у тебя тут в окне, однако!»

«Изволь, изволь, с любовью и удовольствием, бери всё что пожелаешь, – возопил ювелир. – Вот золотые цепочки, из наитончайших в мире, драгоценная рыбка с глазами-яхонтами, золотой слоник с бивнями из нефрита, перстень с пятью смарагдами». – Золотых дел мастер так ликовал, что его не тащат в преисподнюю, что отдал бы всё, чего ни пожелал бы Злой Дух, из чистого облегчения.

«О нет, нет! Сейчас они мне без надобности, – молвил Князь Тьмы. – Придержи их для меня, и я приду за ними назад, когда подоспеет срок».

«Всё это твое, всё, – продолжал тараторить ювелир, – всё, что только есть в этом окне».

«Пусть будет так – всё, что в этом окне. Придерживай это за мной, и я однажды приду и заберу свое. Помни, мне это может не понадобится годами, но уж когда понадобится, я рассчитываю – ты сделаешь как обещал, а не то, смотри!»

«Я даю обещание», – сказал ювелирных дел мастер, и статная, одетая в черные ризы фигура пропала так же внезапно, как всполох молнии, оставив после себя слабый дух серы. Ювелир ринулся в жилое помещение лавки к жене.

«О моя милая, поскорее, помоги мне вот эти вещицы, те что в окне, уложить куда-нибудь в сундучок. Ты нипочем не угадаешь, кому они приглянулись – Иблису, Духу Зла. Он только что здесь побывал и взял с меня обещание, что я придержу это всё за ним, пока он не возвратится».

«Всё, что в окне?!» – заголосила жена.

«Да, да. Но, о счастье, он не за мной приходил, или не понимаешь? Он удалился вполне довольный, мне думается».

«Мой муж, ты, о глупец! – заплакала она. – Посмотри! В окне наша дочка, она играет с золотыми сережками, и, без сомнения, Злой Дух намерен заполучить и ее».

Ювелир бросился посмотреть – так и есть, он увидел свою дочь-малютку, возлюбленную свою Зору, которая там играла.

«Поспеш, о жена, – выговорил он, – пойдешь к серебряных дел мастеру и принеси мне унцию самородного серебра».

Женщина сделала, как ей было сказано, и скоро ювелирный мастер чеканил круглый серебряный диск. Резцом он вывел на нем тайный и священный стих из Корана, дабы уберечь

свое дитя от происков лукавого Князя Тьмы. Талисман супруги попросили муллу окропить из священного колодца Зам-зам и надели оберег на шелковой нитке малютке на шею. Маленькой Зоре сказано было, чтобы она никогда его не снимала с шейки, а не то ее утащит Злой Дух.

Прошли годы, а сатанинский гость всё не жаловал. Ювелир с женой совсем позабыли про весь этот случай, как вдруг Злой Дух опять появился в лавке.

«Я пришел за своим сокровищем, – заявил он. – Ты помнишь свое обещание? Девушке ныне сравнялось семнадцать лет, или это не так?»

«О великий Князь Тьмы, – зарыдал золотых дел мастер, – пощади ее, пощади! Возьми меня, но оставь мою милую Зору на этом свете, пусть порадуется жизни, заклинаю тебя».

Тут показалась его жена и, упав на колени, присоединила свои мольбы. Но Злой Дух, разъярясь лютым образом, рявкнул им привести дочь, так как он, Иблис, не намерен ждать целый день и горит нетерпением уйти назад в преисподнюю, где имеет дела поважнее.

Заслышав шум в лавке, вышла Зора и, со всем простодушием своих лет, чарующе улыбнулась статному Князю Тьмы, теребя при этом в пальчиках волшебный талисман-оберег.

«Ну, так и быть, – насупил брови Злой Дух, разом и захваченный, похищенный ее красотой, и загоревшийся желанием сам покрасоваться перед ней. – Я дам тебе остаться с родителями еще на семь дней, о моя милая. По прошествии их я вернусь, и тогда ты, право, будешь моей невестой». И с такими словами он исчез в клубе дыма.

А у ювелирных дел мастера возник план, и вот какой: он отошьет восковое изваяние своей дочери в натуральную величину и спрячет в истуканке хитрую механику, чтобы она ходила и говорила, словно живой человек. Дни и ночи проводил он, трудясь над куклой. К тому времени как Злому Духу было пора препожаловать, прекрасная копия его дочери, раздушенная и под покрывалами, скрывалась за шелковым пологом, в ожидании дьявольского жениха. Когда сатанинский Князь вновь появился, он опять пришел в лютom расположении и заговорил так: «А ну, старик, подавай свою дочь, а не то я найшу какого-нибудь из моих демонов испепелить всё тут дотла!»

Обратясь в сторону шелковых занавесей, ювелирных дел мастер проговорил:

«Иди же, о Зора, дитя мое, вот здесь могучий Иблис, Князь Тьмы, чтобы забрать тебя с собою в пре-исподнее царство. Поспеши, и отправляйся с ним поскорее». И, потянув на себя прекрасную, в человеческий рост куклу, ювелир снял у нее с шейки защитный серебряный талисман, который не давал Злому Духу дотронуться до его дочери. Оберег он положил поверх шкафа, где была укрыта от глаз его настоящая дочь.

Занавеси раздернулись, и вышла кукла, обольстительно трепеща ресницами, и Злой Дух подхватил прекрасное произведение ювелира и уволок прочь в преисподнюю. Вернувшись в свои собственные пределы, обдураченный Иблис усадил ее на преудивительный трон, изукрашенный фантастическими самоцветами, и ему нетерпелось погордиться перед ней своим царством огня.

Вечером собрался пир в честь новой невесты Духа Зла. Сатанинским прислужникам было велено усадить прекрасную Зору по правую руку от Князя Тьмы в преогромной зале пиров во дворце пламени вечного. Разгоревшемуся Иблису стали подавать вино в сверкающих всеми огнями кубках. Его разобрал полный восторг, когда кукла то и дело поворачивала к нему головку и улыбалась, всем своим видом показывая, что в восхищении от каждого его слова. Прислужники всё подкладывали и подкладывали угля в огонь. Лилось вино, стали подавать угощение, и Злой Дух оказался в своей стихии, вкушая превеликое наслаждение и предвкушая грядущие радости.

Вдруг очаровательная восковая дева стала сникать. Демоны подбросили пламенным языкам еще топлива, и кукла, подавшись вперед, пала в огонь. В какие-нибудь секунды ее пожрало огнем, и от прекрасного произведения не осталось ни уголька. Демоны замерли в ужасе. Как они скажут своему господину о таком обороте дела? Как он воспримет свою потерю? Что

приключится с ними за их оплошность? Они стояли, подпершись вилами, с глазами, чуть не вылезавшими из орбит, с копытами, раскаленными докрасна, с подергивавшимися в тревоге и страхе хвостами. Пока что Князь Тьмы пил и ел, и обменивался дьявольскими сарказмами с особо им избранными гостями, делившими его пышную трапезу. Он ничего не заметил.

Наконец, один из демонов, посмелей остальных, пошел и пошептал Злому Духу в левое ухо. «Что! – вскричал тот. – Упала в огонь и сгорела? Ну, от этих людишек нечего ждать! И она ведь только сюда попала. Я, верно, сошел с ума, если думал, что ее хватит на целую вечность быть у меня в преисподней царицей. Ступай, разожги пожарче огонь. Сегодня мы будем вкушать наслаждения!»

И вот, всё это общество проклятых душ всё больше и больше ударилось в веселье. В кубки снова лилось вино, тарелки наполнялись и наполнялись, угощение грудилось грудой. И Иблис, Князь Тьмы, даже не вспомнил о Зоре, дочери ювелирных дел мастера, и не вспоминал вовек.

Старик и искатель

Шейх, в буром одеянии из верблюжьей шерсти и в белом, в обмот, уборе на голове, улыбался про себя в последних мерцающих отблесках догорающего в караван-сарая огня. Поставив свой серебряный кубок для воды тончайшей сирийской работы, он сказал, обращаясь к собранию: «О братья, будет ли мне позволено сделать свой вклад, рассказав историю, что слышал я от деда, еще в мою бытность отроком? Превосходно. Это одна история, которую я рассказывал и рассказывал, и никогда не уставал от нее. Лучше всего мне начать с начала.

Был однажды некий юноша, и более всего прочего он хотел совершить путешествие к пещере на одной известной горной вершине в больших Гималаях. В той пещере обитал в совершенном мире и покое знаменитый мудрец, известный всем как «Старик».

Говорили, что ученость, знания и духовное совершенство этого мудреца не имеют себе в мире равных. И Абдулла, так звали того искателя по имени, решил одолеть долгую и опасную дорогу к пещере Старика, надеясь, что будет принят изучать философию древнего старца, и через то уповая стяжать ключ к успеху, путь к духовной мощи и крепость превозмочь силы невежества. Для этой цели он упражнялся в скалолазании, припасал вяленых фруктов и орехов, и вот отправился в путь – молодой и рьяный – к своей цели.

Его родители видели, что это посещение он считает наиглавнейшим делом своей жизни, и ни отец, ни мать не стремились его разубеждать. Их молитвы и благословения провожали его в дорогу, когда он уходил вдаль к горизонту.

Стояла весна, и нежные цветы, что цвели вокруг, сообщали ему жизненный подъем, когда бы ни ощутил он упадка уныния. Птицы подбадривали его своими поющими голосами. Его ноги, пряткие, как у козы, уверенно находили каждую трещину, каждый выступ, – достаточный, чтобы дать ухватиться пальцам и выдержать его вес, – помогал ему подниматься выше и выше, пока, наконец, он не взобрался к округлому, гладкому камню-трону у входа в пещеру Старика. Свет, небывало яркий, озарял горный склон, и в этом блистающем сиянии сидел Старик, как будто бы лучась вековой премудростью. Он был худ телом, и его одежда была такого же цвета, что и горные скалы; волосы его белели, как снег на горной вершине, и темные глаза сверкали своей агатовой чернотой на иссохшем, как пергамент, лице. Откинувшись на каменном высоком сиденье, Старик скользнул взглядом по Абдулле с той же приветливостью и интересом, словно юноша был какой-нибудь мошкой или камнем на склоне.

Спотыкаясь и падая, и снова вставая, в конце концов Абдулла повергся к ногам Старика, едва дыша от усталости и волнения, что наконец дошел и сейчас сподобится немедленного просветления. Сначала, как только смог перевести дух, привстав на сбитых коленях, он завел повесть о своей жизни, потом высказал свое великое желание видеть и внимать Старика. Бледное и ясное лицо Старика побагровело от гнева. Указывая вниз на горную тропу, по которой пришел юноша, он вскричал: «Ступай!»

Абдулла стал просить и молить: «Возьми меня к себе в ученики, я пробуду столько, сколько потребуется на науку. Я хочу обрести путь. Прошу, о Старик, не гони меня прочь, раз я так алчу и жажду знаний и мудрости. Имей ко мне жалость!»

Старец поднялся с гибкой звериной грацией и достал из кожаного заплечного мешка, торчавшего в тени за сиденьем, вяленых фруктов и орехов и флягу со свежей водой. Всё это он подал несчастному Абдулле, приглашая его поесть и попить. Потом во второй раз он указал на тропу внизу и проговорил: «Шагай себе!»

Вновь устроившись на своем тронном сиденье, он ушел в созерцание задальней белизны вечных снегов, меж тем как претендент в ученики ел и пил. Потом, по знаку Старика убрав остатки в свой собственный опустевший мешок, он спросил: «Разве ты не дашь мне напутствия? Я проделал эту долгую дорогу во исполнение мечты видеть тебя. Прошу, направь меня на путь,

как идти жизненным поприщем, и наставь меня, как помогать другим достигнуть свершения, как я надеюсь его достичь после того, что получу от тебя науку».

Сверкающие черные глаза встретились с глазами Абдуллы, которые щипало от слез. Не без доброты, а лишь пронзительно смотрели теперь черные агатовые глаза и, казалось, пронимали огнем душу Абдуллы. В третий раз сухие, тонкие, словно точеные, персты Старика показывали назад на дорогу, по которой пришел Абдулла.

«Я повторяю свои слова – ступай, ступай себе, шагай знай. А ты воспользуйся ими, как хочешь».

Сверкание черных глаз ушло в серые складки, когда Старик прикрыл веки, всем видом показывая, что спит.

Абдуллу отпускали и не задерживали.

Все вниз и вниз он карабкался, спускаясь назад той дорогой, по которой взошел. Если путь делался слишком труден, он отдыхал, но прежде чем свет померк, он вышел на дорогу, которую знал: подножия Гималаев вблизи его дома. Прикончив остатки вяленых фруктов и орехов от Старика, он освежился ключевой водой, пробивавшейся из скалы, и пружинистым шагом жителя гор отправился дальше. Когда вышла полная луна, провожая его к дому, у него отлегло на сердце, и, шагая по дороге, он даже пропел про себя обрывок-другой из песенки. Почему-то он чувствовал себя таким деятельным, как никогда в жизни, через одно только то, что повидал Старика.

Когда он вернулся домой так скоро, его родители хотя, естественно, и обрадовались, но мать засыпала его вопросами. «Чему научил тебя Старик, о сын? – спрашивала она. – Что он сказал? Какие обрел ты познания? Поведай нам, и не упускай ничего».

«Я должен идти, – молвил безбородый Абдулла. – Теперь, когда я видел его и внял его наставлениям, я должен идти».

«Идти куда, о милый Абдулла? – возопила мать. – Идти? Идти? Куда идти, что ты хочешь этим сказать? Бросить нас? Бросить всех, всю деревню, шестьдесят четыре души? Дай нам объяснения, о Абдулла. Что Старик сказал тебе делать?»

«Он сказал – ступай себе, ступай прочь, и шагай знай, не стой», – твердо проговорил Абдулла.

Он хорошо выспался в своем старом доме, потом, с тем немногим, что необходимо в дороге, и в том, что было на нем самом, он распрощался с родителями и отправился искать свой жребий.

А обучен Абдулла ничему не был, большую часть юности он провел, помогая семье возделывать полоску земли, с которой они кормились. В первом же городе, куда он пришел, нашлось непочато работы для молодых и охочих рук на постройке султанского дворца и на саждение его садов. По мере того как он получал всё больший рабочий навык, он больше выручал за работу, так что мог заезжать всё дальше в большие города и прекрасные поселения. Всякий раз, как он взвешивал на уме, какой поступок будет вернее, на память ему тотчас приходили слова Старика, указывающие, как правильно поступить:

«Ступай себе».

Работой он прокладывал себе путь во многих краях, и вот, через несколько лет, люди, вместе с которыми он подряжался, стали ценить его опыт житейский и, бывало, обращались к нему с вопросами, на что, минуту помедлив, дабы вызвать перед собой лик Старика, он отвечал: «Шагай знай».

И тогда они продвигались на шаг вперед с той затеей, над которой бестолково пороли горячку, или попросту снимались и складывали шатры и шагали прочь в иные места. Всякий раз, как им хватало смелости так поступить, они бывали довольны действенностью своего шага. Абдулла и сам прослыл чем-то наподобие мудреца, даже не задумываясь над советом, который давал.

Наконец, вступив в средний возраст и устав от всего, что давала ему жизнь по сей день, он пришел к ощущению, что он тот катящийся камень, который не обрастает мхом, и решил он трогаться к дому. У него не было ни жены, ни семьи – к тому времени как он вернулся в деревню, родители его умерли. И все женщины, ходившие в девушках, когда он был молодым, теперь были замужем.

Задаваясь вопросом, что делать дальше, седоволосый Абдулла обнаружил себя однажды взбирающимся вверх по тропе, по которой молодым человеком взшел к пещере Старика. Есть ли всё еще та пещера? Жив ли всё еще тот старец? Правда ли он видел того древнего мудреца и слышал те три слова: «Ступай, ступай, шагай»? Или всё это одно его воображение?

Ничего не оставалось, как взобраться наверх и узнать. Всем своим сердцем и всем своим разумом он стремился достичь того зачарованного места. Ноги безошибочно привели его как раз куда надо. Он увидел то же тронное сидение и легкую фигуру Старика в его реюющих одеяниях. Черные сверкающие глаза светились теперь приветом.

Абдулла в смиренной гордости стоял перед наставником, не говоря ни слова и высоко держа голову. Во взгляде его была твердость. Старик поднялся с молодой грацией мальчика и приглашающим жестом простер длань к пещере тысячи томов мудрости.

«Прежде я говорил тебе *ступай*, – мягко промолвил Старик, взяв его за руку. – Теперь я наставлю тебя иначе. Теперь я скажу тебе *приступай*».

Драчун и ядовитая рыба

Однажды, в не столь давние времена, была одна рыбацья деревня на берегу океана. Каждое утро многое множество рыбаков спешило к берегу со своим уловом. Они трудились тяжким трудом и боролись со штормом в своих утлых лодчонках, но сети всегда бывали полны. Все рыбаки пребывали в довольстве, и чуть не все и каждый были друзьями, но на одном конце деревни жил некий драчун. Это был преогромный, несуразный малый, со здоровой башкой, с глазами, бегавшими как на шарнирах, которые ни минуты, казалось, не оставались на месте, с плоскостопными ножищами, вывернутыми одна на восток, другая на запад, и зычным противным голосом. Вечно он выкручивал руки другим парням, дергал девушек за волосы, ставил подножки женщинам, носившим корзины с рыбой, выгруженной из лодок. Не проходило ни дня без того, чтобы он к кому-нибудь не задрался.

Каждый день он вызывал кого-нибудь из деревенских мужчин на драку, и многие по доброте душевной боролись с ним. Но если они допускали промашку, он со всего приклада бросал противника оземь и усаживался на него, пока тот не просил пощады. Когда все по очереди признавали его как бесспорного победителя и первого силача в округе, он начинал прыгать и орать, петушась, как какой-то полоумный петух, колотя себя в грудь, словно орангутанг. Его дубинка, оружие местного вида, была презверская штука, а он обожал пускать ее в ход. С течением времени его становилось всё трудней и трудней урезонивать, и сговориться с ним вовсе делалось невозможно. У каждого в деревне имелась своя дубинка, но он всегда побеждал, кого бы ни вызвал на драку.

И вот, в тот день, о котором веду я рассказ, к деревенскому старосте пришел невысокий стройный смуглокожий незнакомец. Он попросился приютить его на ночлег, сказываясь, что он школяр, пешком пустившийся в странствие вглубь страны, к пещерам летучих мышей в джунглях.

Все жители деревни рады были новому лицу, и каждый тащил блюдо с рыбой или ароматным рисом в дом старосты, чтобы оказать чужаку гостеприимство, по обычаю, задав пир на песчаном пляже.

Наступил уже поздний вечер, и все наелись и напились, когда нескладный коренастый здоровяк выскочил из ряда сидящих рыбаков и вызвал гостя переведаться с ним один на один. Стройный, с мягкой повадкой незнакомец спокойно встал на ноги, и, меж тем как рыбаки с отчаяньем на это смотрели, расчистилось место, чтобы поединок мог начинаться. Дубинка драчуна была наготове.

«На дубинках как-то мне не с руки, – молвил захожий гость. – Обыкновенно мое оружие это свежая рыба тушка. Поскольку я тот, кого вызвали, то и оружие выбирать – за мной, не так ли?»

«Ну да, ну конечно, я запросто что на рыбьих тушках, что на дубинках переводеюсь, – заявил драчун, – и я готов начинать. Где эти рыбины, которыми мы будем драться?»

Мужской народ в азарте держался об заклад, сколько и на которого из соперников поставить.

«Вот они у меня в кошеле, – отвечал незнакомец, – и чем скорее мы решим наш спор, тем будет лучше, так как я обычно дерусь рыбьей тушкой, куда ни приду, и выигрываю почти все драки. А штука в том – одна из двух рыбин ядовитая, и ты должен для себя выбрать, какой вооружиться против меня. Возьмешь не ту – и это может стать роковым, ибо под чешуей у нее есть некий таинственный яд. Как ухватишь тушку поближе к хвосту, чтобы отвесить мне удар посильней, тут-то яд и рискует проникнуть к тебе на кожу. Конечно, это я могу взять ядовитую – мы не знаем, какая из них какая. Но, уверен, тебе хватит бойцовского духу, чтобы не думать,

какая там из них ядовитая, а какая – нет. Давай, выбирай, и покончим с этим раз и навсегда, и эти добрые люди смогут каждый пойти по своим делам».

Он протянул свой кошель-плетенку из пальмовых листьев, который висел у него на боку. Все тянули головы, насколько хватало шей, чтобы взглянуть на две странного вида долготелые рыбины – как красная кефаль по окраске, и с красным ободком вокруг глаз, – лежавшие в плетенке. В народе от страха даже не перешептывались. На детей при-шикнули, у старосты же лоб взмок от пота. Никто не шелохнулся; каждый как присел, так и сидел на корточках, следя, как будут мериться силой здоровенный несуразный драчун и невысокий стройный прохожий с мягкой повадкой.

«Ты хочешь сказать, что драться мы будем только рыбой, вместо дубинок?» – заорал драчун, выпучив глаза. Выражение, которое появилось у него на лице, узнавалось жителями деревни как чистая трусость. «Ну нет, я не собираюсь мериться силой этаким образом. Это ниже меня! Можешь проделывать такие штуки в дурацких городишках, откуда ты там пришел, но не в этой деревне, знаешь ли. Не собираюсь рисковать и травиться в какой-то дурной игре, вроде этой. Ха!»

И, развернувшись на пятке, он скрылся по направлению к своей хижине. Впервые он был посрамлен. Снова вызвать кого-то на драку он уже никогда не дерзнет.

Возбужденно загудел разговор, меж тем как рыбины отправились назад в свой кошель-плетенку, и все принялись за лакомые блюда, расставленные прямо на прибрежном песке. Женщины пересмеивались между собой, мужчины курили, детишки, вереща и пища, носились туда и сюда.

«Право слово, это был приятнейший день. Я с удовольствием улягусь спать, – обратился гость с мягкой повадкой к поуспокоившемуся старосте. – Премного, право, благодарен за чудесное угощение и развлекательную беседу. Изволь, прими две эти рыбины с острова по соседству с вашим. Своим вкусом они, наверное, отличаются от здешних ваших уловов», – продолжал юноша, подавая кошель из пальмовых листьев в руки опешившему старосте, с ласковой и ободряющей улыбкой.

«Но... но что ты имеешь в виду? Ты сказал, что одна из них ядовитая! – выпалил староста, снова заливаясь обильным потом. – Как ты можешь так поступать с нами, после всего нашего радушия и гостеприимства?»

«Нет-нет, изволь, возьми эту рыбу. Зажарь одну на углях на завтрак, отвари их, съешь в сыром виде. Они будут вкуснейшими, как их ни приготовишь. Ни у одной на хвосте нет никакого яда. Это просто была моя шуточка. Но ваш деревенский драчун про это не знает, так что больше он к вам приставать не будет».

Королевна Фантазистана

Во всех пределах Туркистана, – начал купец из Бухары, – вовек не бывало – вы можете мне поверить, о братья, – госпожи прекраснее или добрее, нежели королевна Фантазистана».

«Фантазистан?! Фантазистан?! – вскричал торговец коврами из Мазар-и-Шарифа. – Но на моем наречии это значит «страна воображения, или нигде» – вымышленное место».

«Именно так, – улыбнулся бухарец с мечтательными глазами, поправляя полы своего подбитого многоцветного кафтана. – Я поведаю вам о ней, если пожелается вам меня выслушать».

Располагаясь слушать, другие купцы устраивались вокруг костра, опершись о локоть. Слуги подбросили в огонь хворосту, и повесть началась.

Некогда, в стране Туркистана, жила эта превосходной красоты и наивысшей доброты королевна. Король Туркистана повстречался с ней, когда однажды был на охоте, и, как увидел ее собиравшей ягоды, одетой в самое простое из платьев, в тот же миг ее полюбил. Он был молод и смел и выбирал королевну себе под стать, чтобы взять ее за себя в жены, но до того самого часа ни одна женщина не возбуждала в нем подобного биения пульса, как эта.

Он стал расспрашивать ее о месте пребывания ее родителей, дабы испросить ее руки, но она качала головой всякий раз, какой бы вопрос он ей ни задавал. Взоры, которые она подымала ему навстречу, были ясными и детски-чистыми, как озерные воды. Похоже, была она одна-одинешенька на этом свете. Тогда он подхватил ее к себе на коня и радостно привез ее в свой дворец из голубой бирюзы, где жил с матерью и сестрами. Со всеми церемониями и пышностью, прекрасное создание, в брачном наряде из тонких цветных шелков и в великолепном головном убранстве из серебра с сердоликами, отдали в жены молодому королю Туркистана.

Целый год всё шло хорошо, и придворные скоро узнали, что их новая королева весела и добра, радушна и беспечальна. Королевич, дитя ее, родившееся у молодой четы спустя девять месяцев, был теперь трех месяцев отроду. Но три королевских сестры, сами еще незамужние, всё больше исходили к ней ревностью.

Они принялись распускать слухи о ней – сначала при дворе, а потом по всем пределам Туркистана, вширь и вдаль, поселяя во всех головах одно и то же сомнение: «Кто такая эта девица, на ком женился наш благородный правитель? Да чета ли она ему, по правде? Что от нее будут за дети? Как же это, что король оказался так глуп, чтобы сделать королевой над нами какую-то там, которую добыл на охоте – какую-то, про которую мы ничего не знаем?»

Те, кто ее любили, защищали ее, говоря: «Она наверное хорошего происхождения и подobaющая мать детям нашего правителя. Посмотрите же на нее, или вы не видите этого у нее на лице?»

«Так давайте поедem в ее родную страну, – поднимали голос недовольные, подкупленные злыми принцессами. – Свезите нас в эту страну воображения, в этот Фантазистан, откуда она происходит, и пусть мы увидим собственными глазами».

«Наш народ в самом деле меня ненавидит, – думала бедная молодая королева. – Мне никогда не удастся изгнать их сомненья. Мои золовки злы и жестоки».

С каждым днем слухи становились всё безобразнее. Наконец она стала думать: «Король будет счастливее без меня. Лучше мне уйти прочь – туда, откуда он меня взял. По крайней мере, там я была счастливой, питаюсь ягодами и плодами, и у меня были мои счастливые воспоминания о былых вещах».

И вот, когда в следующий раз король со свитой отправился на охоту, она завернула маленького королевича в теплое одеяло, немногие вещи положила в заплечную сумку и так быстро, как только могла, пустилась в противоположную сторону.

А придворные, большинство из которых было настроено против нее, держась на расстоянии, шли за ней, чтобы увидеть, куда же она пойдет. Они боялись того, что она могла оказаться простой нищей девчонкой, обманом залучившей их короля жениться на ней, и им нетерпелось выяснить и узнать всю правду об этом деле.

Когда она добралась до леса, где год назад собирала ягоды, она быстро прошла в древесную чащу и как подкошенная опустилась устало наземь. Ко всеобщему остоленению, там, на поляне за ней, вставал самого фантастического вида дворец, такой же большой, как дворец короля Туркистана. Сверкающие самоцветы усеивали купола белого алавастра, арочные проемы украшала резная слоновая кость, в серебряных клетках пели певчие птички, и в плетеных корзинках из тростника содержались бойцовые кочеты. В садах гуляли олени, и вокруг стен повсюду росли прекрасного вида цветы. Высокие статные воины в сверкающих латах и в стальных шеломах охраняли ворота и прохаживались в огромных количествах взад и вперед.

Утомленная юная королева, в своих запыленных платьях и с маленьким королевичем на руках, опять встала на ноги и прихрамывая пустилась к воротам. Тотчас приветственно запели серебряные трубы и по балконам затрепыхались флаги, стоило ей подойти. В окнах показались люди, приветливо махавшие ей руками. Высокая беловласая царственная государыня и благородный старик-король вышли из дворца, говоря: «Войди же, о милая! Входи же, входи, о драгоценная, давно утраченная дочь. Что задерживало тебя и не давало тебе проведывать нас? Приводи за собою друзей, вон тех, что там позади тебя. Пусть никто не будет в забвении. Пусть будет подано угощение, и пусть все они будут одарены прекраснейшими подарками».

Придворных, к вящему их удивлению, препровождала во дворец целая толпа радостных, улыбающихся людей. Там их усаживали на мягких диванах, и множество рабов подносили им угощение и овеивали их опахалами, и празднование и ликование продолжалось семь дней и семь ночей.

На другой вечер, воротясь с охоты, король Туркистана бросился на поиск своей жены. Дорогу, по которой она пошла, показали ему царедворцы – доверенные наперсники у смутьянов, но оставленные позади, чтобы не бросать туркистанский дворец без присмотра.

Когда король добрался до стоявшего в лесу дворца, высокая государыня и ее супруг приветствовали его как король и королева Фантазистана. Они с нежностью приняли в объятия новообращенного зятя, играли с маленьким королевичем и признавали себя довольными новым житьем своей дочери.

Когда придворные узнали, что их юная королева происходит из поистине благородного рода, все они, принося свои извинения, тихо и незаметно разошлись прочь. Как это их угораздило усомниться в выборе своего короля?

Королева-мать сказала юноше: «Иди к своим придворным и оставь возлюбленную нашу дочь с нами еще до утра. Мы в целости и сохранности пришлем ее к тебе, вместе с маленьким королевичем, не беспокойся же ни о чем».

И вот они ушли, и много раз оглядывались назад, на дворец королевства Фантазистана. В эту ночь юная королева отправилась спать счастливая и довольная, вместе со своим сыночком, спавшим возле нее.

Наутро всё пропало. Дворец, старая беловласая королева, статный король, рабы, воины, птицы, цветы – ничего не осталось, ни травинки, ни камня. Когда девушка встала, подняла младенца, усадив его к себе на бедро, и озиралась вокруг, ей вновь явилась старая королева. «Твой милый отец и я умерли и сделались духами много лет назад, – молвила она. – И семьи дровосеков и лесников кормили и одевали тебя, пока не исполнилась твоя судьба и ты не встретила с королем Туркистана. Но когда мы увидели, сколь жестоким гонениям ты подвергаешься, мы вернулись из мира миров, чтобы помочь тебе. Лишь семь дней и семь ночей нам было даровано Аллахом Милостивым и Милосердным, и на это время нам отпущено было

всего, что только бывает дано на свете. Этим я поделилась с тобой, о дражайшая дочь. Да пребудет с тобой благословение, о мое дитя, прощай». И она снова исчезла, скрывшись навеки.

Дочь воина и четыре ее жениха

Когда-то, в давние времена, жил один доблестный и благородный воин, сражавшийся во многих битвах великого Саладина. Когда он слишком состарился, чтобы ходить на битвы, он удалился со своей женой в их собственное селение и зажил там сельской жизнью. У супругов было единственное дитя, красавица дочь, звавшаяся Зулейка, прекрасная, как ни одна девушка в мире. Она была столь же добра, сколь и прелестна, с чарующими черными очами и тонким станом, гибким, как ветка ивы.

Когда она вошла в брачный возраст, родители ее радовались, получая предложения от многих статных юношей. Однажды соискателями ее руки вчетвером пришли четверо братьев. Старого вояку изрядно развлекло явление всех четверых молодцов, каждый из которых был уверен, что посчастливится как раз ему. Все они уселись во дворе отеческого дома, меж тем как Зулейка с матерью, за занавесями и покрывалами скрытые от мужских взоров, сидели на балконе над ними.

«Зачем бы моей дочери становиться твоей женой?» – обратился отец с вопросом к первому из братьев, красивому и изящному и занимавшемуся ткачеством.

«Затем, что я задарю твою дочь красивейшими тканями, из шелка и шерсти, узорчатыми и роскошными, – отвечал ткач. – Никогда она не будет знать недостатка в красивой одежде и будет самой нарядной девушкой в целой стране».

«И зачем бы становиться моей дочери твоей женой?» – обратился отец с вопросом ко второму брату, также красивому и изящному.

«Затем, что я искушен знанием всех животных и птиц – я обучу твою дочь языку всех диких тварей. Я возьму ее с собой в леса и рощи и покажу их гнезда и норы, и одену ее в драгоценнейшие из мехов».

Потом отец заговорил с третьим из соискателей. «Зачем бы моей дочери становиться твоей женой?»

«Затем, что я поэт и писатель, и я смогу обессмертить ее красоту, и всякий вечер всю ее жизнь рассказывать ей чудесные истории. И я прочту ей диковинные повести из множества стран».

«А ты почему хочешь жениться на моей дочери?» – спросил отец у четвертого жениха.

«О благородный воин, я хочу жениться на твоей дочери, потому что я воин и ты воин. Твоя дочь понесет от меня многих сыновей, и они тоже станут храбрыми воителями, и дочерей от меня понесет твоя дочь, и они могут стать женами воинов. А так как кровь во мне сродни твоей крови, то я пролью ее за нашу землю и за нашу честь, и я сделаю тебя гордым за твоих внуков, о благородный воин», – отвечал четвертый юноша.

«Мою дочь за себя возьмешь ты, – вымолвил старый воин, – ведь ты повел ту же речь, какую я и сам обратил к ее матери, когда пошел добиваться ее руки. Ибо подобное сходится с подобным, орел с орлом, и голубь с голубем».

В этот миг на плечи доблестному молодому витязю слетел с балкона золотистый шарф. Он поднял глаза и встретил взоры дочери старого воина.

И так тому следует быть, как повелел Аллах. Подобное сходится с подобным – писцы женятся на дочерях писцов, и воины женятся на дочерях воинов.

Царица Савская и неверный

В земле Хадрамаут, что означает Опасность Смерти, правила великая королева Билкис, царица Савская. Она была женщина очень умная, и в былое время совершила долгое путешествие, чтобы посетить Сулеймана, Короля магов. Навестив короля-мудреца, она вернулась в свою страну, благославленная многим знанием.

Однажды ее стражники привели к ней некоего англичанина и повергли его перед королевой ниц: «О великая королева Билкис, – заговорили они, – мы обнаружили этого неверного, когда он бродил вблизи твоего дворца. Правды мы не могли от него добиться. Он бледный и весьма худосочный, и некрасноречив языком, не искусным в арабском велеречии наших соотечественников. И поэтому, прежде чем отрубить ему голову или бросить его львам, мы хотели, чтобы ты взглянула на это диковинное создание».

И вот Билкис – всего-навсего женщина – почувствовала тяготение к этому чужаку, белокожему, голубоглазому иноплеменнику. «Стойте! – сказала она стражникам. – Не отнимайте его жизни. В чем его проступок помимо того, что он оказался здесь?»

«На нем нет никакого преступления, о королева, но он дерзнул осквернить улицы Сабы своим нечестивым присутствием».

Королева обратилась к англичанину, говоря: «Поднимись. Зачем ты явился?»

«О великая королева, я слышал о тебе от многих, побывавших в стране Опасность Смерти. Говорят, что ты мудра и что ты прекрасна – и я вижу, поглядев на тебя, что они правы», – отвечал он.

Очень польщенная, королева сказала: «Садись. Мои единоплеменники могут разорвать тебя на куски или бросить на съедение львам, но я хочу побеседовать с тобой и спросить у тебя: как у вас, у неверных, обстоит дело в вашей стране и каково ваше вероисповедание? Неужели вам не хочется перейти в нашу чудесную веру и стать одним из перлов Ислама?»

И он отвечал: «Нет, о королева, я обдумывал и советовался сам с собой, и я пришел в согласие со своим собственным Богом».

«Но тебе надлежит прислушаться, как судят и рассуждают мои мудрословы, – сказала она, – тебе надлежит внять их беседе и наставлениям. Сделай это как полагается, и, может статься, я тебя отпущу».

«Нет, великая королева, я скорее пойду на смерть, нежели переменю религию», – отвечал неверный.

Тут королева воскликнула: «Прекрасно сказано! Рада это слышать. Как говорит наша книга завета, иноплеменников, у которых тоже есть книга завета, равно следует чтить. У твоего племени имеется книга?»

«Да, великая королева, у нас есть книга».

«Хороше же, – молвила она. – Итак, днем ты едешь со мной на охоту, а вечером сопровождаешь на прогулке в садах. Ты будешь сотрапезником моим и моих единоплеменников, и я испытую тебя вопросами. Ты внемлешь той мудрости, которую я познала от великого царя Сулеймана».

И таким образом шли прекрасно дни и ночи Билкис, царицы Савской, и она наслаждалась обществом англичанина. Он, на свой лад, получал удовольствие от общества королевы. Но ему не нравилось, как посматривают краешком глаз на него придворные, и чувствовал презрительную враждебность от них. Он чувствовал, что заговорила ревность и что скоро придется ему выбираться из страны Хадрамаут, что означает Опасность Смерти.

В один вечер из вечеров королева задала большой пир, и было там множество гостей. Все они пришли взглянуть на англичанина и на то, как он говорит с их королевой. И зеленоглазое чудовище ревности закралось в сердце ее великого визиря. Подавшись вперед, он что-то шеп-

нул англичанину. Не уловив, англичанин переспросил: «Что? Будь же добр, повтори. Что ты хочешь сказать? Я не понимаю».

Изрядно разгневанный, великий визирь заговорил: «Ты не понимаешь, ты не понимаешь! Я-то тебе сказал нечто чрезвычайно важное, а ты не понимаешь? О королева, послушай этого глупца. Его надлежит немедленно отправить в темницу. Больше мы не можем от него сносить. Он сказал нечто дурное о тебе».

И тогда королева вышла из себя и потеряла терпение и сказала: «Возьмите его и бросьте в темницу».

«Нет, нет! – вскричал англичанин. – Всё это ошибка. Великий визирь неправильно меня понял».

«Что ж, хорошо, – молвила королева. – Я предоставлю тебе еще один случай».

Прикинув в голове так и этак, она сказала: «Если в отечестве у себя ты всё изучил и всё знаешь, тогда я хочу, чтобы завтра ты дал мне ответ вот на эту загадку. До завтра, до этого самого часа ты пробудешь в темнице, когда же вернешься, ты должен дать мне ответ».

«Хорошо, – сказал англичанин на это, – что это за вопрос?»

«Этот вопрос, – молвила королева, – таков: где пуп земли? Или я спрошу тебя по-другому: какое место в этой подлунной самое главное? Теперь – увести его!» По мановению ее руки, выбежала стража и уволокла бедного англичанина прочь.

Его бросили в узилище в самой темной части дворца и заперли на замок. Свет туда не проникал, и он лежал на полу в вящей душевной муке. Зачем он так надолго застрял в этом сумасшедшем городе Саба? Почему он не обошел стороной великую пустыню Хадрамаута, ведь теперь ему точно предстоит расстаться со своей головой. Завтра в это самое время он, несомненно, встретится со своим Создателем. Он валялся по полу и в муке колотил руками по огромному камню, истертому и испещренному именами тех, кто, по всей видимости, побывали там узниками прежде него.

Вдруг он осознал, что тьма каменного мешка расступилась. Камень, по которому он колодил, сжав кулаки, источал яркий свет. Раздался голос, вещавший: «О человек, я волшебный камень. О чем бы ты ни хотел узнать, спрашивай, и я отвечу. Ты ударил рукой по камню-талисмани, и мы, джинны этого камня, должны ответить на твой вопрос».

«Тогда, ради бога, волшебный камень, – заговорил англичанин, – можешь ты мне, ради бога, сказать ответ вот на что: что есть пуп земли? Что есть самое средоточие в этой подлунной? Каков ответ на загадку, заданную мне царицей Савской?»

Он прижался ухом к камню, и камень шепнул ему на ухо. Потом голос, раздававшийся из камня, спросил: «О неверный, слышал ли ты это?»

И он ответил: «Да, я это слышал».

«Тогда скажи это королеве, и мир да будет с тобой».

«Мир и тебе», – вскричал незадачливый англичанин.

Свет угас. Наступила тьма, и больше он ничего не слышал и не видел. От того, что ему было сказано, ему так полегчало, что он улегся на жестком полу и уснул.

Рано на рассвете его разбудили, вывели из узилища, дали ему умыться, накормили, одели его в чистое платье и повели по дворцу. Наконец он предстал перед королевой на троне.

«Каков ответ на мой вопрос? – заговорила королева. – Что есть пуп земли? Какая самая главная точка во всем подлунном мире?»

Все придворные пристально смотрели и слушали. Глаза их позеленели от зависти, и пальцы их скрючились, как когти. Нетерпеливо они ожидали того, что, как они полагали, станет уничтоженьем и гибелью этого ужасного неверного, этого англичанина, к которому их ододела такая зависть.

Англичанин выпрямился во весь свой высокий рост; он расправил складки плаща и выставил вперед одну ногу. Преклонив колени и отвешивая поклон, он погладил бороду и ска-

зал: «О великая Билкис, царица Савская, точка эта там, где твои стопы попирают землю. Самое средоточие этой подлунной там, где стоишь ты, о великая королева Хадрамаута».

Королева рассмеялась, и глаза у нее засияли. Ее советники и визири отшатнулись назад, когда она простерла длань и взяла за руку этого неверного. «Ты изрядно ответил, и теперь ты свободен, – молвила она, – и я дам тебе в дар лучшего своего верблюда. Он вынесет тебя за пределы Хадрамаута и Опасности Смерти, и ты можешь возвращаться в отечество к своим неверным. Возвратясь туда, ты сможешь рассказывать о мудрости и всемогуществе царицы Савской и о том, как она вернула одного неверного неверным его единомышленникам».

И таким образом волшебный камень избавил его от ужасного рока, и сей неверный смог вернуться в свое отечество и записать эту повесть.

Обман калифа

Однажды вечером калиф Багдада, Харун-аль-Рашид, бродил переодетым, как это было в его обыкновении, по улицам своего города, когда увидел какого-то человека в рваном плаще, который спал, прикорнув у уличной жаровни.

«Джафар, – обратился калиф к великому визирю, обычно сопровождавшему его на прогулках, подобных этой, – стыд какой, что этот человек должен спать на улице и не иметь для себя постели. Посмотри у него в карманах. Или у него нет денег?»

Визирь обыскал все карманы этого человека и ничего не нашел, ни даже медной монетки. «Ничего у него нет, Твое высочество. Похоже, что он без гроша. И однако в его лице есть нечто такое, какая-то ясность и благородство. Он, пожалуй, да осмелюсь я это сказать, мог бы даже сойти за тебя, одень его в изящное платье. Поистине сходство разительное, да простятся мне эти слова».

Харун-аль-Рашид присмотрелся попристальней и согласился: «Да, как поразительно! У него, несомненно, наши фамильные черты – тот же характерный нос, той же формы полукружья бровей».

Он задумался, и Джафар-визирь молвил: «Наполним его карман монетами, дабы, проснувшись, он вступил в день процветания».

«Я задумал затею получше, – отвечал калиф. – Доставим его во дворец. Он, похоже, так глубоко спит, как будто никогда не очнется. Мы можем доставить его в мою собственную опочивальню и оставить его там на ночь. Завтра мы дадим ему новое платье и посмотрим, нужна ли ему работа».

И вот калиф и Джафар со всей бережностью пронесли потайным ходом похрапывавшего человека в опочивальню калифа и, сняв его драный плащ, укрыли его шелковым одеялом. Только они это проделали, как раздался стук у дверей.

«Бодрствует ли калиф? С поля битвы есть важные донесения».

Это был главнокомандующий войсками калифа. «Наши воины теряют присутствие духа, о калиф. Если бы они могли взглянуть на тебя и быть тобою ободрены, они бы с легкостью побии неверных».

Харун-аль-Рашид не замедлил с ответом: «Подожди с полчаса, и я с тобой, снаряжаясь в битву, как подобает».

Военачальник отдал салют и удалился.

Калиф продолжал: «Джафар, никто не должен знать, что меня нет. Сохрани мой отъезд в тайне. Мне надлежит встать вместе с воинами под наши стяги. Если враги узнают о моих передвижениях, то они могут попытаться убить меня прежде, чем я сумею добраться до наших шатров».

«Но, Твое высочество, что будет с этим молодчиком, которого мы только что уложили в постель? – спросил Джафар. – Он спит так крепко и беспробудно. У него такой вид, словно он будет спать до самого Судного дня».

«Оставь его тут. Одень его, как меня, и что хочешь, то и говори ему, но удержи его здесь, пока я не вернусь».

Калиф препоясался мечом, накинул свой ратный плащ и скрылся через потайной ход в стене.

«Аллах да ниспошлет калифу победу», – пробормотал верный Джафар и, стоя на страже у постели бродяги, он скреб в затылке.

Когда человек этот, по имени Абдулла, рано утром проснулся, он не мог поверить свидетельству собственных своих глаз. Вот он, в просторных хоробах, в постели – а ей подобной

он не видывал за всю свою земную жизнь, и под шелковым одеялом! У него болела голова, всё соображение у него смешалось. Он сел, спрашивая себя, что всё это значит.

Джафар деликатно прочистил горло. «Кхм... какие будут повеления, о великий калиф Харун-аль-Рашид? – осведомился он. – В последнее время тебе нездоровилось, и доктора советовали тебе покой. Но если твое самочувствие улучшилось, то, возможно, тебе угодно совершить омовение, о калиф?»

«Калиф, калиф! Я никакой не калиф. Я бедняк, который всю неделю искал работу и не нашел ни работы, ни чего-то похожего. Вчера вечером я, умучившись, заснул на улице – или я, по крайней мере, думаю, что это было вчера. Моя жена и детишки ждут меня дома. Я должен идти».

«Нет, нет, нет, с тобой приключилась болезнь. С этими фантазиями ничего не поделаешь, о Твое высочество», – заговорил Джафар, и так он тихо и успокоительно говорил, пока Абдулла не почувствовал, что, наверное, он правда калиф. Он согласился совершить омовение и одеться и отведать восхитительных яств, поскольку чувствовал слабость от голода и головокружение от сумятицы мыслей.

«Если всё это в моем воображении, – рассуждал он с собой, – и я сошел с ума, то как это кстати, и кто я такой, чтобы беспокоиться, ежели жизнь столь приятна?» Так что он последовал ходу вещей, позволяя случаться тому, чему было случиться.

Несколько дней спустя он почувствовал, словно он действительно был правитель, с которым приключилась болезнь. Нищета была сном. Когда люди обращались к нему с прошениями, он прочитывал их с сочувствием. Одна бедная женщина написала, что муж ее отправился искать работу и не вернулся и что, как она опасается, он мог умереть от голода на улицах Багдада. Нищий немедленно отправил ей кошель золотых монет с гонцом, так как рассказ ее почему-то оказал на него изрядное действие.

«Вот я тут, в этом чудесном дворце, а у той бедняжки ничем-ничего. Царица, что правит этим баснословным двором, говорит, будто она мне жена, но раз я болел, то ей угодно дать мне поправиться, прежде чем меня навестить. Все, что мне надлежит, это получать прошения от моего народа и помогать стольким, скольким смогу. Так или иначе, я имею понятие, каково им приходится, так что, наверное, я правда калиф».

Жена Абдуллы обрадовалась золоту и возблагодарила Аллаха за его милосердие. Но она по-прежнему корила Абдуллу, что он бросил ее и детей. «Покинуть нас в нашей нужде, – роптала она, – да хоть он совсем не вернется, не моя печаль. Столько денег для нас ему не заработать за всю его жизнь!»

И она накупила новой одежды и на себя и на всё семейство.

Настоящий калиф, между тем, привел свое войско к победе и, когда всё стало спокойно, вернулся в Багдад. Потайной дверью прошел он в свои покои, а там лежал себе и спал лжекалиф. Харун-аль-Рашид молча отправился в опочивальню Джафара и разбудил его.

«Победа за нами, Джафар. Теперь мне нужен лишь сон, долгий сон, пока не выйдет из меня вся усталость», – сказал он.

«Милостью Аллаха, Твое высочество вернулся невредим и с победой, – отвечал визирь. – Но что нам делать с тем человеком, кого народ мнил калифом? Теперь он и правда думает, что он это ты».

«Ему надлежит вернуться туда, откуда мы его взяли, – молвил усталый правитель. – Накинь на него его рваный плащ. Пусть двое из слуг отнесут его на то же самое место и увяжут ему в пояс кошель с золотыми монетами. Он так крепко спит, что не проснется, появившись тут хоть стадо слонов».

Итак, визирь сделал, как повелел ему калиф, и на рассвете Абдулла проснулся возле теплой печки у лавки пекаря. Вместо мягкой постели под ним оказалась жесткая мостовая.

«Клянусь Аллахом, – вскричал он, – я знал, что всё это сон. Вот я и на улице, в одном драном плаще на плечах. Постой, но что это в поясе? Золото? Подожди же, дай только моей жене об этом услышать!»

И, вскочив, он пустился домой со всей прытью, на какую оказался способен.

Служанка пришла в удивление, открыв ему дверь. «О чудо, чудо! – вскричала она. – О господин мой, ты жив и здоров? Хозяйка записала тебя в покойники неделю назад!»

Абдулла ринулся к постели жены и показал ей золото.

«Хвала Аллаху, – зарыдала она, – я думала, ты нас покинул, и мне пришлось прибегнуть к нашему калифу за милостью. Но каково приходилось тебе? Где ты пропадал? Что ты делал? Как тебе достались эти монеты?»

Он почесал в голове и поморгал глазами, всячески пытаясь припомнить.

«Я не могу быть уверен в том, что со мной приключилось, о моя милая, – вымолвил он. – Сдается мне меня наверное унесли джинны. Я очень надеюсь, что это золото настоящее, ибо я просто не вынесу, если мне придется очнуться от этого сна».

И что вы думаете – он так и не очнулся.

Сказки из Турции

Путешествие принца Аттилы на Край Света

Жил некогда один король, у которого был сын по имени Аттила. Однажды он призвал к себе всех своих мудрецов и спросил их: «Как мне испытать моего сына, чтобы я видел, действительно ли ему хватает доблести и он достоин, чтобы воцариться после меня?»

«Отошли его от себя, и пусть он отыщет волшебный сад, где произрастают Живительные Яблоки, и принесет тебе такое яблоко», – молвил один из советников.

«Отправь его искать Кольцо Истинного Счастья», – советовал другой.

Третий же сказал: «Принц должен добыть Правдивое Зерцало из дворца короля Мендозы, что живет в королевстве на Краю Света».

Итак, король отпустил придворных и призвал к себе сына. Когда Аттила предстал перед ним, он заговорил: «О мой сын, подвергая тебя испытанию, я хочу, чтобы ты отправился на все четыре стороны и добыл мне яблоко из Сада Жизни, Кольцо Истинного Счастья и Правдивое Зерцало из королевства на Краю Света».

Принц Аттила изъявил согласие пуститься на поиски всех этих чудесных вещей, и король задал великий пир в честь отъезда своего сына.

В эту ночь принц, не находя себе места, метался без сна на ложе, спрашивая себя, каково ему придется в столь странном путешествии. Внезапно яркий свет озарил угол его опочивальни, и там, в средоточье света, стояла сияющая фигура пэри.

«Не бойся меня, – заговорило ослепительное создание, – я твой волшебный хранитель, и я помогу тебе. Твой отец задал тебе три задачи».

Аттила, привстав в постели, остолбенело смотрел, лишившись дара речи от напавшей оторопи.

«Эти задачи далеко не так трудны, как ты думаешь, – продолжала пэри. – Спи спокойно, а завтра, когда ты отправишься в путь, я буду тебя охранять».

Пэри улыбнулась и вложила ему в ладонь волшебный талисман на серебряной цепочке. «Надень его на шею, Аттила, и когда я тебе понадобится, три раза его потри». Прежде чем Аттила успел ее поблагодарить, она пропала.

На другое утро принц выехал за ворота крепости с возбужденно бьющимся сердцем, ибо он никогда раньше не бывал за пределами королевства отца и перед ним простирался весь белый свет.

Он ехал и ехал вперед, и когда оказывался на распутье, раздавался магический голос и говорил ему, куда держать путь. Он ехал три дня, устраиваясь спать под брюхом коня, когда наступала ночь. Наконец он доехал до неизвестной страны и увидел долину и в ней обнесенный крепкими стенами сад. Он скакал, пока не доскакал до могучих кованых из железа ворот в стене сада, которые отворились, когда он их тронул. Привязав коня за поводья к воротам, он пошел бродить среди яблонь, где плоды отягощали каждую ветку. Меж тем как он осматривался вокруг, его ушей вновь достиг голос волшебного хранителя: «Сними одно яблоко, Аттила. Это волшебный сад, где растут Живительные Яблоки». Он дотянулся и сорвал одно румяно-краснощекое яблоко. В тот же миг на него налетела тьма крошечных летучих созданий и, сердито зудя, стали жалить ему руки, лицо и шею. Три раза потеряв талисман, он вскрикнул: «На помощь! На помощь!» Маленькие существа немедленно пропали, и укусы перестали причинять ему боль.

Проворно вскочив в седло, Аттила погонял и погонял, куда волшебный сад не остался далеко позади. Только тогда он издал вздох облегчения. Он прошел первое испытание, и Живительное Яблоко лежало у него в кармане.

Теперь он скакал среди наипрекраснейших видов, с цветущими повсюду цветами и серебристым ручейком, бегущим меж мшанистых берегов. Аттила спешил, чтобы напиться из ручья, утолил жажду и его конь. Меж тем, конь принялся щипать сочную зеленую траву, и принц почувствовал, что сильно проголодался.

Тут появились три хорошеньких сельских девушки с корзинами белья, которое вскоре они уже расстлали на кустах для просушки. Увидев принца, каждая почтительно перед ним присела.

«Скажите мне, где бы я мог найти ночлег, – попросил принц Аттила, – мой конь и я изрядно устали».

Младшая из троих проводила его в горку и показала сельский дом, где он сможет остановиться. Вечером, когда хозяин с женой и принц сидели за ужином вокруг кухонного стола, в дверь постучались.

«Кого могло занести ночью об эту пору?» – говорил хозяин идучи отворять дверь. Там стоял несчастный старый бродяга, вымокший под дождем. «Входи, отец. Входи же скорей. Обсушись у огня», – вскричал сельский хозяин, а его благоверная жена подала старику миску похлебки. Они укрыли его одеялом, и он уснул у очага, когда все остальные разошлись по своим постелям.

Принцу Аттиле постелили в каморке, в которую попадали из кухни, и среди ночи его разбудили чьи-то стоны. Выйдя в кухню, он увидел лежавшего там старика, явно совсем занемогшего. У принца в ушах прозвучал голос пэри: «Живительное Яблоко. Дай ему Живительное Яблоко».

И вот Аттила нашарил в кармане и вытащил драгоценное яблоко. Он дал старику кусочек, потом другой, и скоро всё яблоко было съедено. Старик-бродяга перестал стонать, и с ним произошла чудодейственная перемена. Глаза его прояснились, волосы потемнели, руки-ноги налились крепостью, и он вскочил, в десять минут став моложе на полсотни лет.

«Спасибо тебе, принц Аттила, – проговорил он, – за эту твою доброту я дам тебе подарок, и вот он – Кольцо Истинного Счастья, которое, как я знаю, ты ищешь».

Аттила увидел, что в руке у него золотое кольцо со странно рдеющим камнем опалом. «Но как ты узнал, кто я? – спросил Аттила. – Или ты чародей?»

«Нет, я послан сюда твоим волшебным хранителем, чтобы доставить тебе это кольцо, которым я владел многие годы. Теперь, поскольку ты дал мне Живительное Яблоко, я смогу преследовать мое сокровенное стремление еще пятьдесят лет».

На другое утро, когда принц проснулся, путника уже не было. Сельский хозяин с женой старались подольше удержать юношу, но ему нетерпелось отправиться в путь в королевство на Краю Света. Так что он подарил им золотую монету, поблагодарил их и ускакал.

Аттила отпустил поводья, и конь уносил его всё дальше и дальше, пока не доскакал до безотраднейшего места, где во все стороны, куда ни посмотри, простирались горы. К ночи они нашли приют в огромной пещере, и в этой пещерной тьме принцу вновь явилась его хранительная пэри.

«Ты поблизости от Края Света, – сказала она. – Завтра ты перейдешь через перевал и достигнешь дворца короля Мендозы. Я помогу тебе получить от него Правдивое Зерцало. Тогда ты сможешь возвратиться к себе в свою родную сторону, Аттила». И она исчезла.

На другое утро, когда принц проснулся, солнце стояло высоко в небе. Конь лихо перенес его через узкий перевал, где по обе стороны громоздились громады скал. Вдали он увидел титанический замок, высившийся на горе, прямо на краю света. Сотня башен была у замка, и на каждой башне горела золотая звезда. К замку лежал трудный путь, но Аттила осторожно

правил своим могучим конем вдоль по дороге, и вот, скоро перед ними встали высокие золотые ворота крепостного замка короля Мендозы.

«Какая твоя надобность?» – осведомился капитан стражи, когда принц застучал в ворота дверным молотком в виде гигантской львиной головы.

«Я пришел к королю Мендозе», – смело отвечал Аттила.

Подошел визирь, чтобы препроводить его к королю, ибо Его величество провидел прибытие Аттилы в волшебном Правдивом Зерцале за несколько минут раньше того. Король Мендоза восседал на троне ажурной слоновой кости, но по виду не казался счастливым. Он обратился к Аттиле: «Я живу здесь в золотом замке, и кладовые моей сокровищницы полны драгоценных камней, в конюшнях у меня скакуны, цену которых не покрыть деньгами, мои владения богатейшие на земле, и однако я не ведаю покоя в душе. Почему это так?»

«Ваше величество, – молвил Аттила, снимая Кольцо Истинного Счастья у себя с пальца, – примерьте его, и оно даст вам то, чего у вас нет».

Едва кольцо коснулось пальца короля Мендозы, как король ощутил счастье каждой жилкой в теле и каждым волоском на голове. Он соскочил с трона, смеясь во весь голос, и заявил: «Все что угодно в моем королевстве, все, что бы тебе ни понадобилось, ты всё получишь, ибо я теперь наисчастливейший человек на свете».

«Подарите мне Правдивое Зерцало», – попросил Аттила, и король с готовностью ответил: «Конечно, с любовью и удовольствием».

Итак, Аттила прогостил в королевстве на Краю Света и его чествовали пирами семь дней и семь ночей. Когда наконец он пустился домой, Правдивое Зерцало было приторочено у него в седельной сумке.

Много дней провел он в дороге на долгом обратном пути, пока не оказался уже почти дома. Тут, за несколько миль от дворца, у себя на пути он увидел преогромного дракона, и в пасти дракон держал девушку. Потерев три раза свой талисман, он привстал в стременах и обнажил свой меч и, издав громогласный клич, бросился на зверюгу. Одним могучим ударом он смахнул драконью башку, и тот повалился замертво. Спасенная им девица сказала Аттиле, что она дочь углежега и возблагодарила его из глубины своего сердца.

«Пожалуй, – молвил принц, – садись впереди меня на коня, и я доставлю тебя домой». Посмотрев на нее минутой-другую, он решил, что в жизни не видел никого прекраснее, и спросил, а не пойдет ли она за него замуж. Радостная ее улыбка давала ему ответ.

Вместе они торжественно ехали ко дворцу. Но все дома и все лавки на улицах стояли наглухо запертые, и никто не выходил приветствовать своего принца, когда он верхом на коне возвращался домой. Ворота дворца были накрепко заперты, и хотя принц колотил во всю свою мочь, они не открылись.

Тогда из седельной сумки он вытащил Правдивое Зерцало и взглянул в него. И увидел, что все пребывали в смертельном страхе перед тем огромным червечудовищем, которое он только что поразил. Тогда он взмахнул мечом и вскричал: «Выходите, выходите все! Выходите из домов и из лавок и отомкните дворец. Дракон убит. Я убил дракона».

Тотчас же все повыбегали из домов и из лавок, радостно крича и ликуя, что их принц вернулся. Во дворец его внесли на плечах. Дочь углежега было затерялась в толпу, но принц быстро ее отыскал и привел к своему отцу.

Король радовался глядя на него и хвалил красоту его невесты. Потом он осведомился: «И что же Живительные Яблоки, и Кольцо Истинного Счастья, и Правдивое Зерцало, за которыми я тебя посылал на край света?»

Тогда Аттила поведал отцу всю свою повесть, от начала и до конца, не упуская ни мелочи, и преподнес ему Правдивое Зерцало.

«Итак, о милый мой сын, ты принес мне лучшее, чем может владеть человек, будь он даже король, – ибо если нет правды, что тогда счастье или жизнь?» – заметил король-отец.

Король, пес и золотая плошка

В давние времена жил в Турции купец, звавшийся Гасан, и был он богатый и тороватый, счастливый и удачливый. Но однажды разразилось несчастье. Его корабли, везшие несметные драгоценные грузы из дальних стран, захватили пираты, и его пакгаузы, хранившие много тюков дорогих товаров, сгорели дотла. Не в силах показаться своим друзьям на глаза, он продал свой дом и все оставшиеся у него пожитки и пустился на поиски счастливой судьбы.

Но его удача покинула его целиком и полностью, ибо, когда он спал в караван-сараяе, вор украл все его деньги, и он обнаружил себя в чужом городе без единого гроша за душой. Чтобы продолжить свой путь, он пошел к хранителю церковной кружки в мечети и обратился к нему за вспомоществованием из милостыней, чувствуя презренный стыд. Задаваясь вопросом, как сможет он когда-нибудь снова высоко держать голову, он спросил хранителя кружки, что ему делать.

«Сын мой, – отвечал старик, – в трех днях пути отсюда лежит место, называемое так-то и так. Тамшний король весьма щедр на подаяния, и, может быть, ты сумеешь представить ему свое дело. Попроси его о помощи более существенной, нежели та, что я могу тебе предоставить из наших ограниченных средств». И он дал Гасану пригоршню монеток.

Поблагодарив его и купив несколько штук фиников, чтобы съесть по пути, Гасан пустился в дорогу. Дорога оказалась негладкой и трудной, так что Гасан истомился усталостью и жаждой, и одежда на нем изодралась в клочья, когда он достиг обнесенного стеной города. От него не укрылось, что сидельцы в лавках одевались богато и вид имели убогого.

Устало он побрел ко дворцу, где, по словам старика-хранителя кружки, король каждый вечер насыщал сотни голодных, но, придя туда наконец, он настолько устыдился своих лохмотий, что укрылся за колонной, откуда мог наблюдать всю картину. Туда во множестве стекался люд, старые и молодые, и все оделялись едой и деньгами от тороватого единодержца, восседавшего на высоком престоле посреди величественной залы. Из укывища своего за колонной Гасан видел, как привели на место, что было от него в нескольких шагах, трех больших ловчих псов. Прислужник поставил три плошки отборнейшего мяса перед тремя псами. Затем человек удалился, и Гасан обнаружил, что не может оторвать глаз от прекрасного мясного кушанья, поданного животным. Его голод был так велик, что Гасан рад был бы доесть и собачьи объедки. В этот миг, сидевший ближе всех к нему пес поднял голову и, глядя на него почти человеческими глазами, подтолкнул свою золотую плошку к Гасану. Изголодавшийся человек, не в силах больше утерпеть ни минуты, взял себе один из кусков мяса и подвинул плошку обратно псу. Но собачья лапа уже снова двигала плошку Гасану, пока он не наелся досыта.

Тогда пес прикончил угощение и, вылизав плошку дочи́ста, подтолкнул ее к Гасану. Поняв, что животное предлагает ему взять плошку, Гасан принял ее и спрятал драгоценную вещь под свой оборванный плащ. Пес, казалось, согласно кивнул головой. Тут Гасан уразумел, что, продай он плошку и купи себе новое платье, он, по крайней мере, приобретет возможность получить себе подходящее место. С благодарностью потрепав собаку по голове, он выскользнул из толпы.

Он продал плошку золотых дел мастеру и выручил такую хорошую цену, что смог завести себе небольшое торговое дело, вместо того чтобы наниматься в услужение. Вскоре, с умом покупая и продавая, он уже имел достаточно красного товара, чтобы привезти в свой родной Стамбул, где его и встретили с огромной радостью друзья. Удача к нему вернулась, Гасан совершал успешные торговые обороты и со временем снова сделался так же богат, как и прежде.

Но дело с золотой плошкой тяготело у него на совести, и он чувствовал побуждение возвратиться в тот город, где была ему оказана подобная доброта от пса. Он знал, что, если не возвратит дорогостоящую вещь, которую украл, он никогда не изведает душевного покоя.

Точная копия золотой плошки была готова в несколько дней. Вскочив на своего лучшего скакуна, одетый в развевающиеся одеяния и обутый в сапоги тончайшего сафьяна, Гасан пустился в дорогу. Наконец город показался в виду, и вот уже снова он видит древнюю стену, построенную вокруг города. Но, въехав в ворота, в душевном смятении он видит, что блеск и слава места сего закатились. Город беззащитно лежал под небом, в руинах и голых стенах без крыш, многоколонная его красота уничтожена, как если бы по нему прошли монгольские орды. Развалины домов стояли молчаливые и пустые, лавки, где в богатстве и убогости сидели купцы, разграблены были от всех своих красных товаров, и, казалось, нигде во всем городе не было ничего живого.

Горестно Гасан садился верхом, чтобы ускакать прочь, как тут из развалин дворца выбежал огромный охотничий пес, за ним не замедлили появиться двое других. Гасан признал великолепных собак, которых кормили из золотой посуды, когда он ходил нищим. Затем показался какой-то старик, одетый в грубый шерстяной плащ и тяжело опиравшийся на палку.

«Приветствую тебя, о сын мой, – заговорил старик, – что привело тебя в эти места?»

«Когда-то давным-давно я пришел сюда в лохмотьях, – отвечал Гасан, – и мне досталось счастье получить кусок мяса из плошки вот этого пса. Боюсь, я забрал плошку, уходя, ибо я нуждался. Я продал ее и вернул себе сполна свое достоинство, и теперь пришел заплатить долг и отдать эту плошку ее владельцу».

«Все те времена давно миновали, – молвил старик. – Тщеславию и пышности, некогда царившим при моем дворе, настал конец».

Тут Гасан понял, что это был действительно тот щедрый король, которого он видел насыщающим голод бедных и сырых в огромном дворце когда-то давно.

«Ваше величество, – сказал он, – благоволите взять ту золотую плошку, что я принес».

«Нет, – молвил старый король, – мне ничего не нужно сверх того, что здесь осталось. Мои ловчие добывают мне дичь для трапезы, которую я вкушаю раз в день. Мой садовник остался со мной, чтобы возвращать огородную зелень и розы. Вместе, он и я и мои собаки, мы справляемся, чтобы мирно наслаждаться жизнью. После того как мои враги всё разрушили и забрали в плен мой народ, я веду здесь простую жизнь».

«Но эта плошка, эта золотая плошка, или я не должен вернуть ее Вашему величеству?» – спросил Гасан.

«Если пес из моих псов посчитал нужным отдать свою плошку, – отвечал король, – не мне требовать от тебя ее возвращать. Ему, я уверен, плошка теперь не понадобится. Иди, возвращайся туда, откуда пришел. Милостью Аллаха, нам достает на наши нужды ныне, и, я полагаю, всё будет отлично до окончания наших дней».

Поклонившись королю, Гасан сел на коня и повернул прочь. Оглянувшись, он увидел, как старик, опершись на палку, в последний раз взмахнул ему на прощанье рукой и скрылся в развалинах, окруженный ловчими псами. На склоне своих лет Гасан, теперь состарившийся и убеленный сединами, у себя в собственном доме в Стамбуле, частенько рассказывал эту историю, чтобы люди не забывали повесть о короле, псе и золотой плошке.

Госпожа из поставца

Когда-то в давние времена жил в Турции некий весьма богатый купец, у которого был сын по имени Мустафа. Все, чего бы юноша ни пожелал, всё ему всегда доставалось, и так шло годами. Однажды он сказал своему отцу:

«Теперь я вполне взрослый, о отец, и больше не желаю жить дома с тобой и с моими братьями и сестрами. Я хотел бы красивый дом, стоящий в прекрасном саду. Обставь его драгоценной утварью, какую сможешь найти, и я буду рад и счастлив, как только бывает».

Итак, вы видите, он был весьма избалованный. Купец устроил должным образом прекрасный дом для Мустафы, со всем потребным для роскошной обстановки, и купеческий сын переселился туда. И каждый день мать Мустафы посылала ему изысканные кушанья для его стола, состряпав их своими собственными руками.

Однажды Мустафа нашел в саду на одном из кустов гнездышко и унес из гнезда крошечное голубое яйцо. Запрятав его куда-то в посудный поставец, потом Мустафа начисто про это забыл. Но это было волшебное яйцо, которое положила в гнездо одна волшебница-пэри, и как-то ночью, когда купеческий сын крепко спал на своем ложе, яйцо проклюнулось и оттуда появилась прекрасная госпожа.

И впредь с того дня, и каждый день, эта прекрасная госпожа в поставце имела обыкновенные выходить и съедать остатки от кушаний, присланных матерью Мустафы, прежде чем приходили слуги, чтобы забрать их на кухню.

Как-то Мустафа вернулся к себе в комнату после того, как уже закончил полуденную трапезу, и застал эту прекрасную госпожу за тем, что она угощалась от одного из блюд.

«Кто ты? – спросил он. – И как ты попала в мой дом?»

«Я не ведаю, кто я, – отвечала госпожа. – Я из этого поставца, и я никогда не знала никакого другого дома».

«Больше ты не будешь жить ни в каком поставце, о моя милая, – сказал он. – Ты моя гостья, и будешь жить в одной из самых больших и самых красивых комнат у меня в доме».

«Спасибо тебе, – отозвалась она, – в посудном поставце, и правда, тесновато».

Итак, Мустафа послал сказать своей матери, что вот он встретил девушку, на которой намерен жениться, и тогда его счастье в его новом доме окажется полным. Мать Мустафы поскорее явилась на смотрины нареченной невесты и пришла в восторг от его выбора; и, не откладывая, сыграли свадьбу.

Мустафа нарек молодую жену именем Карагоз, что означает «черные глаза», и она счастливо прожила с ним долгие годы. В должный срок у Мустафы и Карагоз родилось двое сыновей, которых они назвали Олег и Тиморз.

Когда они выросли и превратились в прекрасных юношей и каждый взял за себя жену, Карагоз тяжело заболела. Она позвала к себе сыновей, благословила их и благословила их жен, и так, госпожу из поставца взял к себе Аллах великий.

Некоторое время спустя какой-то рыбак принес в дом Мустафы прекраснейшего вида рыбину. С ярко-зелеными глазами, вся она от головы и до хвоста блистала серебряной чешуей. Никто никогда прежде не видывал столь прекрасной рыбы. Рыбак же сказал: «Если кто отведаст этой рыбы, то, когда он заплачет, из глаз его покатятся перлы, а когда он засмеется, из уст его посыплется алмазы».

Мустафа тут же купил эту рыбу за тысячу золотых монет. Со смерти госпожи Карагоз стряпала для Мустафы жена его сына Олега, старшего из братьев.

«Прошу, о моя милая, приготовь для меня эту рыбу своими собственными руками и подай мне, как только она сготовится, – молвил он своей любимой невестке. – Я хотел бы поужинать ей».

Та изъявила согласие и унесла рыбу на кухню.

И вот, эта невестка была добрая и прелестная, жена же Тиморза, второго сына, отличалась от нее, как ночь ото дня. У нее было злое сердце, и была она коварна во всем. Она подслушала разговор свекра с рыбаком, и слышала она также, как Мустафа просил жену Олега приготовить ему эту рыбу. Она тут же решила украсть рыбину и дать ее съесть собственному мужу, дабы это он ронял перлы из глаз и алмазы из уст.

Она послала за своей старой нянькой, злой ведьмой, и велела ей наложить такое заклятье на свекра, невестку и деверя, от которого они навеки заснут, чтобы она могла украсть волшебную рыбу. Между тем, однако, как она перешептывалась со старухой, один ленивый и нерадивый слуга, залегший под кровать, чтобы тайком вздремнуть, услышал всё это и, ушмыгнув, пересказал своей хозяйке, жене Олега.

Жена Олега тотчас рассказала своему мужу, и он решил, что придется им до поры покинуть дом и уйти переодетыми в лес. Тут как раз вошел Тиморз и обратился к брату: «Куда же вы? Моя жена некоторое время назад вас искала, чтобы поднести подарок ко дню рождения».

Олег рассказал брату обо всем, что случилось, и как он узнал о злоумышленнях невестки навести на них вечный сон колдовством. Жена Олега, ожидавшая младенца, рыдала и стонала, но Тиморз молвил: «Не плачь, о сестра, уйдем все вместе. Давайте съедим рыбу сами и предоставим злодейку ее собственным умышленьям».

Они поели – и диковинная рыба пришлась им весьма по вкусу – затем быстро переоделись в простое платье и, захватив ларец с драгоценностями, незаметно ушли под покровом ночи. В стойле стоял лишь один конь, огромный белый жеребец, так что, усевшись втроем, они ускакали прочь.

Скакали они, скакали, всё вперед и вперед, пока не оказались далеко-далеко от дома. Взошла луна, а они всё скакали. Через некоторое время конь устал и замедлил свой бег у опушки большого леса.

Трое беглецов спешили, и Тиморз сразу принялся собирать хворост, чтобы пламя костра держало на расстоянии диких лесных зверей. Олег же в поисках хвороста всё глубже заходил в лес, и очень скоро он сбился и потерялся. Он озирался вокруг, ища дорогу, чтобы вернуться к брату и жене, как вдруг перед ним появился огромный слон. Сбруя его была ярко расцвечена и усеяна дорогими камнями, и он трубил во всю свою мочь. На спине у него высился золотой паланкин, с сиденьем, изукрашенным драгоценными самоцветами. Осторожнейшим образом слон подхватил Олега своим хоботом и посадил его в паланкин. Медленной, но уверенной поступью слон прошествовал через лес, доставив оторопевшего Олега к большому городу, ярко белевшему, как белый мрамор, в лунном сиянии.

Когда слон приблизился, ворота растворились, и собралась огромная толпа, хотя дело было посреди ночи. «Слон принес нам нашего нового короля!» – восклицали люди и падали перед ним ниц. Слон встал на колени, и вельможнейшая особа, визирь этого королевства, выступил вперед и приветствовал его: «Ваше величество, – молвил он, иъясняя происшедшее, – каждый год, как наш король умирает, этот слон выходит, чтобы доставить нам нового правителя. Он, и только он, наделен силой находить нам нового нашего монарха».

«Но... но, как же так, что каждый год вам нужен новый король?» – в смущенье осведомился Олег.

«Что происходит – этого мы не знаем, но каждые двенадцать месяцев, день в день, правитель наш умирает, будь он стар или молод, робок или отважен, красавец или урод. Всякий раз этот слон выбирает другого, и он женится на королеве и правит нами столько, сколько ему дано. У королевы, увы, по сю пору было пятнадцать мужей, и каждого находили бездыханным в королевской опочивальне спустя двенадцать месяцев после свадьбы».

Без дальнейших проволочек Олега препроводили к королеве, которая радостно его приветствовала. Она была молода и дивно прекрасна, ничто в ее лице не знаменовало страданий, причиненных, должно быть, ей смертью пятнадцати мужей.

«Приди в королевскую опочивальню, о мой господин», – молвила она голосом, подобным соловьиному пению, и повела его в разубранный шелками чертог. Слуги раздели его и облачили в полотняную одежду для сна и, почтительно пятась задом, отступили за дверь. Королева исчезла из вида.

«Так что, или теперь я король?» – сказал он себе и улегся на шелковое, расшитое драгоценным шитьем покрывало. В смущенье и недоуменье – чему приключиться далее, он полуприкрыл глаза и притворился, что спит. Через несколько минут он услышал слабый шуршащий звук и увидел, как в комнату проскальзывает королева. На лицо ей упал лунный луч, и Олег увидел, что она презрительно переменялась, хотя всё еще оставалась в королевских уборах. Ее лицо преобразалось у него на глазах, и через миг она стала гигантской зеленой змеей.

Он вскочил и обхватил тварь за шею. Держа ее крепкой хваткой, он дотянулся до своего кинжала и отсек ей голову. В тот самый миг, как была убита змея, снова появилась прекрасная молодая королева. Чары разрушились, зло рассеялось, а с ним – все воспоминания о печальных событиях. В королевстве снова всё было прекрасно.

Итак, напрочь позабыв собственную жену и брата, юноша воцарился в этом городе белого алавастра, чтобы вместе с королевой править страной, как если бы никогда ничем другим и не занимался.

Между тем, на речном берегу на рассвете солнца, в тревоге и страхе, Тиморз разыскивал брата, но не нашел никаких следов. Он вернулся к своей невестке, и по его лицу она поняла: случилось неладное.

«Наверное, дикий зверь унес в лес Олега, или, может быть, крокодил утащил его в реку», – молвила она и горько понурилась.

«Пожалуй, я снова вернусь к реке. Может быть, он сейчас там объявится», – сказал Тиморз. И вот он оставил ее и сундучок с драгоценностями под деревом, и снова пошел, и чая и не чая, что брат его жив. Когда он дошел до реки и понял, что брат его так и не появился, он зарыдал, и слезы, что ронял он из глаз, превращались в перлы – по той причине, что он поел от волшебной рыбы.

Тут как раз плыл мимо на лодке лодочник и увидел рыдающего юношу, возле которого, было похоже, что грудой насыпан жемчуг. «Ага, – сказал он себе, – интересное дело». Воровато он причалил к берегу и, застигнув того врасплох, схватил Тиморза, связал его и бросил на дно лодки.

«Прошу тебя, отпусти меня, – говорил Тиморз, роняя в лодку всё новые перлы, – потерялся мой брат, и на опушке леса осталась одна-одинешенька моя невестка».

«Нет! Я заберу тебя с собой, и ты составишь мое достояние, о юноша», – отвечал жестокосердый лодочник и поплыл вниз по реке к своему дому.

Там, в темной каморке, бедный юноша часто рыдал над выпавшей ему на долю судьбой и, таким образом, всякий день добавлял жемчуга в груды. Злокозненный лодочник каждый день носил жемчуг продавать на базар, говоря, дескать, он ловит жемчуг в реке.

Между тем, на опушке леса жена Олега произвела на свет мальчика со странным родимым пятном на руке в форме удода. Хоть и была она в страхе и одиночестве, прошло время, и она про свой страх позабыла. Припевая над ним, она баюкала младенца, меж тем как солнце всё выше всходило на небе. Скоро она спала.

И вот, к опушке тропического леса подошел один человек, который был префектом полиции в этих краях. Был он бездетным, и когда он увидел бедную женщину в сбившейся в беспорядке одежде, спавшую у тропы с ребенком в объятьях, он решил похитить дитя. Тихо взял он спящего мальчика из рук его матери и скрылся в лесу.

Ужас, который испытала жена Олега, когда проснулась, едва ли можно вообразить: совершенно одна и притом пропавший младенец. Весь тот день она пробродила в лесу без еды и питья, рыдая и призывая на помощь, пока не зашла в самые дебри и совершенно не заблудилась.

В ее скитаниях по лесу ее подобрал некий старик с женой, жившие на лесной поляне, приняли ее и пеклись о ней так, как если бы она была им родная кровь.

Прошло два года... Лодочник, так долго державший Тиморза в неволе, заболел и умер. Тиморз сумел бежать, взяв с собой мешок жемчуга, который нашелся в доме. Продав жемчуг в соседнем городке, он странствовал и странствовал, пока не обнаружил себя у опушки леса, как раз там, где потерял и брата и невестку. Никого не было видно, и тогда он сел, прислонясь спиной к дереву, недоумевая, в какую сторону ему теперь податься.

Не прошло, казалось, и нескольких минут, как из лесу появился старик и с ним молодая женщина. «Здесь я и потеряла мужа и деверя в ту ночь, как родился мой мальчик», – говорила она. И тут ее взгляд упал на Тиморза, и она бросилась ему в объятия.

«О драгоценнейшая сестра, – заговорил он, – какое чудо, что я тебя так нашел, больше двух лет спустя, как меня схватили и увезли». И он поведал ей свою повесть от начала и до конца.

В свой черед, и она рассказала ему, как случилось, что она живет с той четой стариков, и что в этот день она пришла показать старику то место, где они были все вместе два долгих года назад.

«Теперь иди со своим деверем и ищи мужа и ребенка, – сказал старик, – ибо я уверен, что они живы. Твой долг найти их, где бы они ни были». Они попрощались, и он повернул обратно в лес.

В тот же самый день, беспамятный Олег, который уже больше чем два года процарствовал королем, решил отправиться на охоту на своем слоне и чуть погодя приехал на то же самое место. Как только он увидел две фигурки, сидевшие на поваленном стволе, память к нему возвратилась, и он их узнал. Он опустил слона на колени и радостно встретился с женою и братом.

«Идемте со мной в мое королевство, о мои милые!» – воскликнул он и так засмеялся в восторге, что из уст его посыпались алмазы.

«Но я не могу пойти с тобой, пока мы не нашли нашего сына», – вскричала его молодая жена. Тут же на этом месте все трое обещались исходить весь край вдоль и поперек в поисках младенца.

Едучи в драгоценном паланкине на спине слона, наконец добрались они до дома префекта полиции, где в саду играл маленький мальчик. Как только взгляд юной матери упал на мальчика, она тут же узнала в нем своего сына, из-за родимого пятнышка в форме удода на правой его руке.

Олег опустил слона на колени, и, прежде чем префект полиции или его жена узнали, в чем дело, они подхватили мальчика, посадили его в паланкин, и слон унес их всех прочь. Прodelав долгий путь, слон привез всех четверых в королевский дворец белого алавастра, и навстречу к ним вышла прекрасная королева.

«Кто все эти люди, о мой повелитель король?» – спросила она Олега, при виде их всех, спускавшихся со слона.

«Это долгий рассказ», – ответил он. Все они вошли во дворец, и он поведал ей свою повесть, от начала и до конца. «И вот, – продолжал он, – это первая моя жена. Итак, хотя ты королева, любимая у меня будет она, вы же обе должны быть как сестры друг другу».

Тут женщины обнялись, и обе ему обещали свою верность и преданность, до того часа, пока все они будут живы. И таким образом и они, и два брата счастливо зажили в том далеком-предалеком королевстве, и уста их во множестве рассыпали алмазы, смеясь, но перлов

больше их глаза не наплакали, ибо все они пребывали в приятнейшей жизни до конца их земного существования.

Бедняк-птицелов и говорящая птица

Когда-то, недалеко от Стамбула, жил один бедный человек. Он приноровился промышлять ловлей птиц, раскидывая в лесу на деревьях сети и потом относя птиц на продажу в ближайший городок.

Однажды изловил он прекрасную золотистую птичку с красным клювом, желтым хвостиком и серебряным колокольчиком на правой лапке.

«Освободи меня из сетей, отец, – заговорила птичка, – ибо я не простая птица, и, если ты отпустишь меня на свободу, я помогу тебе, и ты наживешь добра».

И вот, этот молодец, чье имя было Мехмет, никак не мог поверить своим ушам, когда услышал, что птичка говорит человеческим голосом. Наконец он спросил: «Как это так, чтобы такая птица, как ты, умела говорить и, однако, могла оказаться настолько глупой, чтобы угодить в мою сеть?»

«Увы, – отвечала птичка, – я не смотрела куда лечу, вот и увязла обеими лапками. Моя госпожа, а она принцесса, охотилась в лесу со своими братьями, я же сидела довольная у нее на руке. Вдруг с неба на меня бросился ястреб, и, в страхе слетев с запястья моей госпожи, залетела в самую темную чащу леса. Принцесса будет в отчаянье от моей пропажи, ведь она привыкла мне поверять все свои сокровенные мысли, и она научила меня говорить, чтобы я была для нее за подружку».

«А ты не пойдешь ко мне жить в мою хижину и со мной разговаривать?» – спросил Мехмет.

«Ах, нет-нет! – отвечала птичка. – Ты должен немедля вернуть меня моей госпоже. Она будет по мне очень скучать и наградит тебя множеством золотых монет, когда ты меня возвратишь целой и невредимой».

«Но как я сумею, бедняк-птицелов, пройти во дворец такой великородной госпожи, как твоя хозяйка?»

«Позволь мне сесть к тебе на плечо, и я покажу тебе дорогу, – молвила птичка, – но прежде дай мне попить воды и поклевать зернышек, так как я чуть жива от голода и жажды».

И вот птицелов принес птичку в хижину и дал ей попить воды. Он взял зернышек себе на ладонь, чтобы птичке было удобно клевать, усевшись к нему на запястье. Подкрепившись, птичка сказала:

«Теперь ты должен отнести меня к моей госпоже. Я не могу туда долететь из-за того, что в небе ястреб и дворец отсюда за много миль».

И вот Мехмет облачился в свое рваное платье и обулся в свои заплатанные сандалии и пустился в путь. Птичка примостилась у него на плече и показывала дорогу. Наконец они подошли к огромной горе, и извилистой тропой Мехмет полез в гору, пока они не приблизились к прекрасному замку из красного порфира.

«Постучи в дверь и спроси начальника стражи», – велела птичка, когда они подошли к громадной, утыканной медными остриями двери в дворцовой стене. Мехмет так и сделал, и начальник стражи, в черных усах и с глазами, как черные бусины, сразу на него раскричался: «Кто ты такой, что смеешь обращаться ко мне, ты, о мошенник и оборванец?»

«Я принес назад птицу принцессы», – отвечал Мехмет, что заставило начальника стражи отворить громадную дверь, которая вела во дворцовый двор.

«Ах так, ты принес? Давай мне птицу и прочь отсюда, не смей сделать ни шагу дальше», – заявил начальник стражи.

«Принцесса богато вознаградит за мое возвращение, – прошептала птичка, позванивая серебряным колокольчиком. – Тебе надлежит его пропустить, о начальник стражи, или моя госпожа об этом узнает».

Как только начальник стражи услышал эти слова, от жадности глаза у него округлились как плоски.

«Тогда я потребую награду себе», – вскричал он.

Но принцесса Ниновар, свесившись со своего балкона, увидела, что происходит, и захлопала в ладоши от радости. «Миленькая моя золотая птичка вернулась», – воскликнула она и сбежала во двор, тесно окруженная своими девушками-рабынями.

Когда начальник стражи увидел ее, его лицо налилось красной краской. Тут принцесса Ниновар снова усадила свою любимицу к себе на запястье и попросила Мехмета поведать ей всю историю.

«Ты получишь столько золотых монет, сколько сможешь унести, – молвила принцесса Ниновар, – поскольку я бы ни за что на свете не рассталась со своей говорящей птичкой. И какое твое ремесло?» – продолжала она, посмотрев на него и увидев, что он красивый и ладный парень, и вовсе не обратив внимания на его оборванное платье и разбитые сандалии.

«Я птицелов, твое Высочество, – отвечал он, – и живу в лесу. Каждый день я раскидываю сети на птиц и, когда поймаю столько, сколько достаточно, продаю их в городе».

«Ну, – сказала принцесса, – с этого самого дня ты больше не птицелов, ибо тебе надлежит присматривать за птичьей вольерой в нашем дворце».

Был призван великий визирь. Препроводив Мех-мета, он отсыпал ему сто золотых монет и снабдил его добрым количеством нарядного платья, подобающего его новому месту. Принцесса же направилась к братьям и оповестила их, что замуж она пойдет за Мехмета, и не за кого другого, или останется незамужней и в одиночестве до конца своих дней. Она так настаивала на своем, что братья ее согласились и задали большой пир в честь свадьбы сестры.

И вот так Ниновар и Мехмет поженились и с того дня и впредь счастливо жили в огромном дворце, высящемся над Босфором.

Сказки из Персии

Царевна Фероза и конь-королевич

Когда-то давным-давно жила в царстве Ирана прекрасная царевна, звавшаяся Фероза, что значит «бирюза». Она обитала в громадном замке, стоявшем на высокой горе, и ей очень одиноко жилось. Сколько сама себя помнила, она так и жила в замке, и играла на мраморных полах женской половины, где царствовала ее мать, шахбану. Ее отец, шахиншах, или Царь Царей, находился в дальнем отъезде, проводывая крайние пределы своих владений, и она по нему скучала. Ее мать была столь вельможная госпожа, что не имела времени поиграть с дочкой. Она любила лишь принимать визиты от королей других стран да выбирать новые украшения, да обсуждать новые наряды.

Зато отец Ферозы всегда с ней играл и обучил ее шахматам. Но когда шахиншаху случилось бывать в отъезде, то не оказывалось никого, с кем бы царевна могла поиграть в шахматы, поскольку все царедворцы всегда и неизменно проигрывали ей каждую партию из почтения перед ней.

И вот, однажды, царевна переделалась в мальчишеское платье и в стеганый кафтан и, взяв любимого своего коня Салема, отправилась на поиски отца.

Она ехала всё дальше и дальше, пока не достигла берега могучих вод белой реки. Течение было столь сильным, что она испугалась, но лихой Салем, один из боевых скакунов ее отца, отчаянно ринулся в воду и вынес ее на другую сторону. На том берегу стоял уродливый маломерок-дэв, тварь из числа чудовищ. С зубищами, острыми, что у крокодила, и в шерсти, густой и черной, что медвежья шкура.

«О человек, – заговорил дэв, – сделай мне одолжение, и у тебя будет всё, чего ты ни пожелаешь».

«Чего же ты хочешь?» – смело спросила царевна Фероза, так как она не хотела показать дэву, что испугалась. Спешившись с коня, она храбро стояла перед жуткой тварью.

«Передай весть моему брату, он живет вон в том замке, – повелел дэв, указывая на многобашенный замок, возвышающийся вдали на вершине холма, – и ради меня он пожалует тебя всем, чего ты ни согласишься».

«Хорошо, – отвечала царевна, изъявляя согласие. – Что это за весть?»

«Когда попадешь в крепость, скажи моему брату, что я превратил шахиншаха в речной камень-окатыш, и вот он у меня тут, в кошеле, и я сам стану вместо него царем надо всем Ираном. Будь любезен, проси его ко мне препожаловать в день, когда я взойду на престол, что будет праздноваться в стольном городе Исфахане через шесть дней. Тогда этот превосходный из братьев исполнит твоё желание. Садись теперь на коня, и – в дорогу».

Остолбеневшая Фероза молча села в седло и поехала в горную крепость второго дэва. Как ей спасти своего отца, который теперь лежал в кошеле у первого дэва, превращенный в камень-окатыш? Она старалась что-то придумать, но ничего не приходило на ум. Быстрый как ветер, мчался вперед ее лихой конь, и вскоре они стояли под воротами крепости, большой и могучей.

«Отворяй, о дэв, – вскричала царевна, хотя сердце выпрыгивало у нее из груди, – я несу тебе весть от твоего брата с белой реки».

Ворота немедленно распахнулись, и появился другой дэв, с видом еще уродливее и злее, чем первый.

«Входи, мальчуган! – проревел он. – Отведай моего гостеприимства. Какую весть ты принес мне?»

«Твой брат просит тебя пожаловать в его восшествие на престол в Исфахане через шесть дней, ибо он полонил шахиншаха и умышляет занять его место».

«О, превосходно, – заявил дэв. – Вот, садись на этот диван и положи мяса на этой кости, вижу, ты голоден. Спрашивай, чем тебя отдарить?»

«Я хочу волшебную саблю, чтобы секла вражьи головы, как удар молнии», – молвила царевна.

Дэв долго хохотал громким хохотом. «Славно сказано, мальчуган, ты получишь ее, – проревел он. – Ты храбрый удалец и заслуживаешь саблю».

Едва лишь он вымолвил эти слова, как царевна ощутила тяжесть в правой руке и увидела, что держит саблю с благородным дамасским клинком. Вложив ее в ножны, царевна вскочила в седло.

«Стало быть, на коронации встретимся!» – хохотал дэв, когда Фероза поскакала прочь.

Скакала она, скакала, и наконец достигла берега белой реки. Вот и первый дэв, рассеявшийся на воловьей шкуре. Царевна возвышалась над ним, сидя в седле на Салеме.

«Молодец, мальчуган, – прорычал дэв. – Ты получил награду?»

«О да», – отвечала царевна, обнажая саблю. А когда дэв шаг шагнул, чтобы взглянуть поближе, быстро, как удар молнии, она снесла ему голову. Соскочив с седла, она обшарила у него карманы, нашла кошель с камнем-окатышем, что был ее несчастным отцом, и уплыла с ним обратно за реку.

К тому часу наступила ночь, и Фероза схоронилась в пещере, укрывшись своим стеганым кафтаном, Салем же встал при входе, неся дозор при своей госпоже.

Проспав до полуночи, она очнулась и увидела диковинный свет в конце пещере. Некий голос звал: «Проснись, о царевна, проснись и внемли мне, твоей пэри-хранительнице».

Царевна вскочила на ноги и увидела прекрасную пэри, одетую сверкающим золотом в красном средоточье огня. «Дай мне камень-окатыш, о царевна, – молвила пэри. – Я помогу тебе вернуть твоему благородному отцу его человеческий облик».

Царевна вот-вот и отдала бы камень, когда Салем, с диким ржанием, ткулся мордой ей в руку, и речной окатыш скатился на землю. «Нет, нет, о царевна, – прорек громким голосом конь, – тут нет никакой пэри – а только дэв женского полу, она хочет добраться до шахиншаха».

Меж тем как конь прорицал, огонь исчез, и прекрасная пэри превратилась в мерзейшую женщину, которая также испарилась с шумом, подобным змеиному шипу.

«Но ты обладаешь речью! – вскричала царевна Фероза. – О, помоги мне отыскать этот камень, он скатился на землю».

«Вот он», – отвечал конь, взяв речной окатыш зубами.

Царевна бережно спрятала его в карман.

«Как это так, что ты можешь говорить человеческим языком, хотя ты и животное?» – спросила царевна.

«Я зачарованный королевич, – отвечал ей конь. – На меня наложили чары в день моего восемнадцатилетия, по причине того, что я заносчиво говорил с чародеем». Гордо он тряхнул своей гривой. «И быть мне в этом облике заключенным, пока меня не избавит любовь ко мне дамы».

«О, да случится это в доброполучный час, – проговорила царевна, краснея. – Но сейчас, позволь мне, о добрый конь, сесть верхом, и поскачем к мудрой ведунье Исфахана, чтобы найти способ снова обратить милого моего отца в шахиншаха».

Царевна снова вскочила в седло, и конь понесся с ней через всю страну, пока не прибыли они, наконец, в Исфахан. В высоком, забранном ставнями доме жила мудрая ведунья Исфахана. Волосы у нее были белы, нос у нее был крючком, что клюв попугая, а платье ее, зеленого аксамиту, заткано было розовыми розами Ширази.

Когда наконец царевна оказалась в ее ведовском покое, старуха выслушала всю повесть, не проронив ни слова. Потом она молвила: «Я знала, что ты придешь, ибо еще не прошло и часа, как я смотрела в свое волшебное зеркало. Да, у меня имеется специальный порошок, чтобы вернуть возлюбленному шахиншаху его собственный вид. Я должна бросить несколько гранул в жаровню».

Усталая до черноты, удивленная царевна в оторопи наблюдала за тем, как творила ведунья свою волшбу. Прежде всего, камень-окатыш положен был на пол и вокруг него был начертан магический знак царя Сулеймана. Вслед за тем щепоть волшебного порошка была брошена на рдеющие уголья. Несколько тихо произнесенных слов, и огонь полыхнул красным, потом синим. Скоро, к великой радости, царевна видела вставшего перед ней отца. Ведунья упала на колени, но шахиншах поднял ее на ноги.

«За это тебе наполнят твой рот драгоценными самоцветами, и не единожды, о добрая матушка», – объявил единодержец.

Старушенция залопотала от радости.

Царевна с отцом вернулись во дворец, и лихой конь взржал от удовольствия, когда царевна поцеловала его лунно-светлые уши и гриву.

«Я тебя люблю, о милый конь-королевич», – тихо вымолвила она.

Едва лишь вылетели у нее эти слова, как конь исчез, а перед ней встал высокий и статный королевич, прекрасный, как всякий царевич на свете. И вот, они поженились, и семь дней и семь ночей шло празднество и ликование во всех городах Ирана.

Ткач и дэв

Некогда, в давние-предавние времена, жил в старом Нишапуре один бедный ткач, по имени Абдуль Латиф, чья жена, Фатима, то и дело ему говорила: «Вот будь у тебя две головы и две пары рук, о Абдуль Латиф, было бы у нас куда больше тканей и куда больше денег на всякие траты».

Однажды вечером, в одиночку во всю стуча на своем ткацком стане, Абдуль Латиф обнаружил маленького дэва, застрявшего в его мотках шерстяной пряжи.

«Помоги мне выбраться из этой путаницы, и, чего ты ни пожелаешь, я тебе это дам», – заговорил дэв.

Ткач помог дэву избавиться от мотушек, и дэв на это сказал: «Пожелай от меня чего хочешь, и я тебе это дам».

«Жена моя, Фатима, полагает, что мне следует иметь две головы и две пары рук, – отвечал ткач. – Мог бы ты это исполнить?»

«Готово, – отвечал дэв. – Если это то, чего ты желаешь».

Абдуль Латиф взглянул в зеркало и увидел, что у него две головы и две пары рук. Он помчался по городу с криком: «Смотрите, смотрите, что произошло!» И все люди повыскакивали из своих домов и закричали: «Дэв! Дэв!», думая, что он демон. Они побили его палками и камнями и прогнали его из города, и больше его никто никогда не видел.

Итак, если тебе подвернется случай исполнить на выбор одно желание – хорошенько подумай, делая выбор.

Водонос и три грецких ореха

У дальних пределов Персии жил один бедный водонос со своей женой. Каждый день горевали они и сетовали, что у них нет детей, закончив же свой дневной труд, обычно водонос шел и усаживался под ореховым деревом. Там он дремал, и в дремоте ему обычно мечталось, что вот у него трое ладных сыновей, которые будут покоить их старость.

Как-то вечером он вымолвил: «О грецкий орех, будь у нас с женой трое сыновей поддерживать нас на старости лет, мы были бы самой счастливой четой на свете».

А дерево, под которым он сидел, было волшебным деревом, заколдованным самим Сулейманом; и когда он договорил эти слова, рядом с ним упали три грецких ореха. Они раскололись, и в каждом оказался совершенно сложенный мальчик. Выходя один за другим, они окликали: «Вот и я, о отец, дай мне имя».

Итак водонос нарек их именами Мубарак, Масуд и Рашид. Исполненный радости, повел он их к жене. Очень быстро мальчики подросли – скоро они стали более рослыми и сильными, чем их родители. Водонос им сказал: «Отправляйтесь по белу свету, о сыновья, и заработайте достаточно денег, чтобы покоить нас с матерью в остаток наших дней».

И вот они пустились в дорогу, взяв с собой зачарованный козий мех с водой и недельный запас хлеба. Шли они, шли, пока не пришли, к закату седьмого дня, в огромный город. Все жители были одеты в траурные одежды, и все женщины были в слезах. «Что такое стряслось в этом городе? Почему все такие печальные?» – спросил Мубарак.

«Похитили трех дочерей нашего короля, и мы их оплакиваем, ибо наш король добрый и благородный, и нет принцесс прекраснее во всем краю», – сказала одна старуха, шмыгая носом в своем покрывале.

Мубарак, Масуд и Рашид пошли во дворец и спросили, можно ли видеть великого визиря. «Скажите его превосходительству – мы найдем принцесс».

«Что? Как вы посмели, вы, трое голодранных мальчишек, придти сюда и спрашивать нашего великого визиря, – закричал капитан стражников, – прочь отсюда, а не то мы снимем вам головы по самые плечи».

В тот момент король проходил мимо, на обратном пути из мечети – а была это пятница – и услышал слова трех юношей. Подняв руку, он просил их обратить свои вопросы к нему.

«Ваше высочество, – заговорил Мубарак, – мы с братьями хотим помочь вернуть обратно принцесс, так как мы слышали, что их похитили. Если вы поведаете, как всё это произошло, то мы отправимся и спасем их».

Король удивился, что трое простых деревенщин, вроде них, могли так открыто заговорить с ним, и они ему сразу понравились.

«Мои воины искали повсюду, и весь мой народ скорбит, как вы видите. Если вы найдете моих дочерей, все, чего вы ни попросите, будет вашим, – молвил он. – Благословения да пребудут на вас. Желая вам поскорей их найти».

Троих братьев отвели на королевские кухни и дали им на неделю провизии. Потом они пустились на поиски трех принцесс.

Придя на перекресток дорог, они сели и стали решать, как им быть.

«Давайте разобьем здесь стоянку, – заговорил Масуд. – В первый день пускай один из нас отправится на запад, и один из нас – на восток. Третий останется здесь варить еду и отдыхать. Потом, на второй день, двое пусть идут на север и на юг, третий же останется готовить и охранять стоянку».

На том они порешили, и так шло неделю, но они не обнаружили никаких следов дочерей короля, и по всем четырем сторонам света никто не имел вестей, которые помогли бы братьям отыскать их. Они сидели вокруг костра, когда на огонь вышел какой-то усохший худой старик.

«Добрый вечер тебе, папаша, – поздоровались они все вместе. – Садись с нами и обогрейся».

«Что у вас варится?» – осведомился старик, заглядывая в котел.

«Варим похлебку, из остатков нашего провианта, – отвечал Масуд, – и теперь нам придется идти назад к королю и говорить, что незадалось у нас и мы не нашли его дочерей».

«Уделите мне тарелку от вашей еды, и я скажу вам, что делать», – сказал старик.

И вот они подкладывали ему и подкладывали, пока он не подъял всё чуть ли не дочиста, поскольку им не по нраву было оказывать неучтивость гостю. Когда он наелся досыта и стал обтирать пальцы о бороду, старик заговорил: «О дети, я знаю, где спрятаны королевские дочери. Если вы пойдете со мной, то я покажу вам».

Он велел Масуду взять из костра горящий сук освещать им дорогу. И вот они бросили все свои пожитки и последовали за ним в темноту. Он привел их к пещере неподалеку. Едва они вошли в пещеру, как услышали позади себя смех и голос старика, говорившего: «Ха, теперь вы все тут у меня – три принцессы и трое юношей – и я примусь вас откармливать, пока не соберусь съесть».

Вход в пещеру закрыла дверь. Трое братьев огляделись, и при свете факела, который держал Масуд, они увидели фигуры трех девушек, забившихся в угол пещеры.

«Оставьте страх, о царевны, мы пришли, чтобы спасти вас, – молвил Масуд. – Мои братья и я посланы вашим отцом, королем, вас искать».

«Но мы все пленники, – вскричала старшая принцесса. – Мы связаны по рукам и по ногам, и мы испытываем слабость и упадок духа от заточения в этой отвратительной пещере».

Не успела она договорить, как снаружи пещеры раздался смех и их пленитель сказал: «Нет нужды рассказывать всю историю этим трем молодым глупцам, о моя милая. Они такие же пленники, как и вы», – и они услышали, как старик заклекотал противным смехом, улепетывая прочь.

Масуд снова заговорил: «Внемлите, о царевны, мои братья и я – мы не просто люди, ибо родились от волшебного грецкого ореха. Мы наделены способностью выбираться из любого места, где бы нас ни заточили, благодаря нашей сверхъестественной силе. Преклоните ваш взор...»

И меж тем как девушки в полном изумлении наблюдали, трое братьев налегли на громадную дверь в пещеру – и она отворилась. Потом Мубарак развязал трем принцессам руки и ноги, и все они осторожно выскользнули из пещеры и пошли назад к их стоянке, где трое братьев варили себе ужин. В котле оставалось как раз довольно, чтобы понемногу досталось всем. А так как стояла светлая лунная ночь, то они решили пуститься в обратный путь во дворец, прежде чем старик обнаружит их бегство.

К рассвету другого дня в виду у троих братьев и трех принцесс показался какой-то оазис. Когда они оглянулись назад, то увидели вдалеке совсем небольшое облако клубящейся пыли.

«Укроем принцесс своими плащами, о братья, что-то мне не по нраву вид этих пыльных клубов», – заговорил Мубарак, но чуть ли не в ту минуту, как он говорил, в их середину влетел тот старик, верхом на скаковом верблюде, быстром как ветер.

«Стойте, – вскричал старик, – вы мои пленники, и я наложу на вас чары. Обернитесь чистым золотом, все!»

И вот принцессы, будучи смертными, превратились в золотых истуканок и ничком попадали наземь, но трое братьев, рожденные от волшебного грецкого ореха, сказали каждый волшебное слово и сохранили свой облик. Старик завопил от ярости и в неистовстве набросился на них. Но трое братьев воскликнули в один голос:

«Именем Сулеймана ибн Дауда, мир с ними обоими, изыди!» – и старик со своим верблюдом растаял в воздухе.

Потом они подошли к принцессам, обращенным в чистое золото, и sprysнули их водой из зачарованного козьего меха, и девушки снова стали живыми людьми.

Солнце пекло всё жарче и жарче, ноги их увязали в песке, так что они еле ступали. Когда они наконец достигли оазиса, Мубарак сказал: «Остановимся здесь на отдых, ибо мы не выдержим солнечного пекла, даже с силами, вложенными в нас Сулейманом ибн Даудом, мир с ними обоими, рабами которого мы являемся».

Принцессы благодарно опустились на землю, утолили жажду и омыли ноги, пока солнце не стало меньше палить.

Тут в оазис явилась банда разбойников напоить верблюдов; завидев шестерых путешественников, они изрядно заинтересовались.

«Откуда вы идете, о чужеземцы, и куда направляетесь?» – подозрительно выведывали они.

«Мы идем из такого-то и такого места, о братец, и туда-то и туда направляемся», – отвечали Масуд, Мубарак и Рашид.

Этот скупой ответ разъярил бандитов, и они решили напасть на путников, как только придет ночь с ее мраком. Но лишь они собрались так сделать, трое братьев воскликнули в один голос: «Унеси вас прочь, о злыдни, напрямик в небо». Поднялся могучий вихрь, и бандиты вместе со своими верблюдами взмыли в воздух и унеслись, скрывшись из виду, и, почем знать, они так и кружат вверху где-то там и поныне.

Как только настал рассвет, трое братьев пробудили принцесс ото сна и произнесли волшебное слово, вслед за чем неизвестно откуда появился верблюд о шести горбах. Три принцессы вспрыгнули, и каждая села на один из горбов, так же сделали и трое братьев, и громадный верблюд помчал их во дворец.

Когда они подскакали к воротам, выбежал начальник стражи со своими стражниками, и они помогли принцессам сойти на землю. Соскочили наземь и братья, и шестигорбый верблюд пропал, оставив горожан протирать в удивление глаза. Утомленных и в дорожной пыли принцесс увели в гарем, чтобы искупать, нарядить и умастить благовониями. Как только король оповестился о возвращении дочерей, троим братьям были оказаны всяческие почести, и король поблагодарил их из глубины души.

Вечером король задал пир, подобного которому еще не видали в городе, и Мубарак, Масуд и Рашид восседали на почетных местах рядом с самим королем.

«О юноша, – обратился король к сидевшему ближе из этих троих, – в присутствии всех, кто собрался в этом собрании, я прошу тебя и твоих братьев: назовите все, чего ни пожелаете. За то, что вы вернули мне милых моих дочерей, когда никто другой не сумел их найти, – оно будет вашим».

«О благородный король, – отвечал Масуд, – мне ничего не нужно».

«О благородный король, – отвечал Мубарак, – мне ничего не нужно».

«О благородный король, – отвечал Рашид, – мне ничего не нужно».

«Прекрасно сказано! – вскричал король. – Наполните им рот золотом и драгоценностями».

Все придворные одобрительно восклицали, когда привели казначея и рот каждого из братьев наполнили золотыми монетами и самоцветами несметной цены.

А трем принцессам приспичило идти замуж за троих юношей, которые их избавили, на что давал согласие и король. Мубарак, Масуд и Рашид, однако, хотели вернуться к старому водоносу с женой, их взрастившим, и отдать им золото и самоцветы.

«На это они смогут себя содержать в полном довольстве остаток их дней», – переговаривались трое между собой, поскольку питали большую привязанность к чете стариков. Так вот, пока принцессы готовились справить тройную свадьбу, юноши поспешили прочь, послав каждой из принцесс по золотому грецкому ореху с таким посланием в серединке:

Принцессе нельзя со мной пожениться,
Мне привелось от ореха родиться.

Мубарак, Масуд и Рашид поведали всю историю своих приключений старому водоносу с женой и преподнесли им сокровища. Потом вся троица распрощалась со своими приемными родителями, поскольку снова испытывала тягу к странствиям. И, почему знать, они всё еще странствуют, ибо старый водонос и его жена больше их никогда не видели.

Рустам и железная крепость

В давние времена жил в древнем Иране знаменитый герой по имени Рустам. Родился он во времена баснословной птицы Симург, каждое перо которой было полно волшебства. Она взращивала Рустама с самого малолетства, и когда он ее покидал, она подарила ему одно из перьев, говоря:

«Если когда-нибудь тебе придет до меня нужда, брось это перо в огонь, и я к тебе явлюсь, и избавлю тебя от любого несчастья, какое бы ни приключилось».

И вот Рустам пошел по белу свету. Он охотился на львов и тигров, сражался с великанами и дэвами, и была у него волшебная шапка-малахай из львиной шкуры, делавшая его невидимым, когда он покрывал ею голову.

А у Рустама был враг, злой Балман, который как-то похвалялся при дворе, что он победит могучего Рустама и приведет его обратно в цепях. Он пустился в погоню за Рустамом, и, когда он нагнал его, два витязя сразились, и бились до тех пор, пока стали не в силах сражаться, но полегли бок о бок на землю, еле переводя дух.

«Сдавайся. Становись моим рабом», – сказал злобный Балман.

«Никогда!» – отвечал Рустам, и последним усилием он поднялся и ушел, и оставил своего врага лежать на земле. Балман вернулся ко двору, и все принялись его спрашивать: «Ха, что случилось, почему ты не привел могучего Рустама, героя Ирана, в цепях, как собирался?»

И тогда Балман почернел лицом; он был посрамлен, и он дал себе в сердце зарок, что уловками ухитрится и заставит Рустама придти к нему и убьет его, как убивает он диких зверей. И вот он построил громадный замок, крепость в холмах, и покрыл внешние стены листовым железом. Была это самая могучая твердыня, какая только бывала на всем белом свете, и вдоль всего гребня крепостных стен он расставил тяжело вооруженных воинов. Явился некий ведун и предрек, что он победит, если сразится с Рустамом. Поэтому он послал весть к Рустаму, что желает выйти с ним на ристанье.

Когда верхом на своем Рохе, коне, на котором он прошел не один турнир, Рустам подскакал под ворота крепости, Балман выглянул наружу с улыбкой во всё лицо. «Добро пожаловать ко мне, о Рустам, – вскричал он. – Входи в мою крепость, и мы сразимся. Мы скоро увидим, кто сильнейший герой во всем Иране».

Он открыл ворота и выслал двух ужасных ифритов злобного вида, звавшихся Япуш и Кепуш, которые атаковали Рустама, когда тот рысью пустился в крепость. Своей огромной палицей Рустам ударил одного ифрита так, что он покатился кубарем, меж тем как Рох, лягнувшись задними копытами, поддал другому так, что он подлетел вверх тормашками. Оба ифрита рухнули наземь, как два куля с бобами, Рустам же надел свой малахай из львиной шкуры, в тот же миг сделавший его невидимым.

Когда Рустам въехал во второй крепостной двор железной твердыни, Балман, видя одного коня, озадачился, как так получилось, что Рустам исчез. «Обыщите каждый уголок и закоулок крепости и найдите Рустама, ибо он где-то прячется. Тысячу золотых монет тому, кто его найдет!»

Все воины и африты забегали взад и вперед, но не увидели ни волоска на голове Рустама. Рустам же соскользнул с седла и, оставив своего коня стреноженным у ворот, он бесшумно пробрался в самое сердце мощной железной крепости. Он побьется с мерзким Балманом, но лишь когда приготовится. Заглядывая в комнату за комнатой, он увидел одну полную драгоценностей, потом другую, полную бочонками с порохом, и еще одну с пиками, щитами и копьями. Потом ему попалась дверь с огромным ключом в замке; повернув ключ, в комнате он нашел прекрасную девушку, за волосы привязанную к крюку в стене.

Скинув свой малахай-невидимку, он молвил: «О госпожа, по своей наружности, ты, должно быть, королевская дочь. Я помогу тебе».

Он отвязал ее волосы от крюка, и она была вне себя от радости. «Я Маназ, – отвечала она, – и я премного тебе благодарна. Я и вправду принцесса, хотя даже не знаю, сколько времени провела здесь, привязанная за волосы в этом омерзительном месте».

«Тогда идем со мной, – сказал Рустам, – и я постараюсь, чтобы ты благополучно прибыла во владения твоего отца. Но сначала я должен сразить своего врага, ибо он зазвал меня сюда, чтобы сразить меня и самому стать героем всего Ирана».

«О добрый рыцарь, ведь ты, должно быть, Рустам, – молвила она. – Да, умоляю тебя, отвези меня обратно к отцу в его страну Туркистан самолично – тогда я буду знать, что прибуду благополучно».

«Покрой этим львиным малахаем голову, – сказал Рустам, подавая ей малахай, – и держись поближе ко мне. Сейчас я найду Балмана, потому что мы должны сразиться. Если со мной что-нибудь случится, сожги вот это перо и попроси мою волшебную покровительницу, Симург, помочь тебе. Она перенесет тебя в королевство к отцу, держа в когтях, как обычно носила меня».

«О нет, не говори о таком, что с тобой что-нибудь случится», – шепнула принцесса. Она надела шапку и, держа в руке волшебное перо, тихонько кралась позади Рустама по темным переходам в главный крепостной двор.

Вдруг появился отряд воинов и ифритов и, узнав Рустама по чапану из львиной шкуры, схватились с ним. Ифриты, Япуш и Кепуш, осилили его и повлекли пред лице Балмана, восседавшего на своем черном железном троне.

«Итак, о великий Рустам, а вот и ты! – насмеялся Балман. – Давай иди, поборемся друг с другом, и скоро я буду величайшим мужем в целом Иране».

И вот боролись они, и боролись, когда солнце стояло в зените, и когда взошла луна, и когда засияли на небе звезды. Воины и африты стояли по кругу и возгласами подбадривали своего господина, но не было никого, чтобы подбодрить Рустама, кроме Маназ, она же не отваживалась издать ни звука, из страха обнаружить себя. Но когда она увидела, что Рустам, ослабевший от многих ран, лежит на земле и не может подняться, тогда она бросила перо Симург в огонь, горевший в огромной жаровне в крепостном дворе. В тот же миг, прошумев ураганом крылий, великая птица Симург появилась над ними.

Только собрался Балман снести Рустаму голову с плеч, как Симург потушила все до единого факелы в крепости. «Кто отважился нападать на Рустама? – вскричала Симург громовым голосом. – Он под моей защитой! Именем Сулеймана, да будет с ним мир, обратитесь вы все в камень, о злодеи!» И она овеяла Рустама опахалами своих крылий, так что он немедленно ожил.

Во всей железной крепости не раздавалось ни звука – всё обратилось в камень. Рустам посадил принцессу Маназ в седло на своего верного коня. «Ступайте, с миром езжайте себе в Туркистан», – ласково молвила Симург и дала Рустаму другое перо, прежде чем вознеслась на могучих крыльях высоко в ночное небо.

Они выехали из крепости за ворота, конские копыта процокали по камню. Долгой дорогой в Туркистан принцесса пела Рустаму. Когда же они прибыли на место, чувствуя Рустама, король Туркистана задал пир, который продолжался семь дней и семь ночей. Когда Рустам уезжал, король повелел, чтобы рот его наполнили золотом.

И это лишь одно из многих приключений Рустама – этого Александра, этого Геракла древнего Ирана.

Кольцо шаха

Некогда жил один шах, и пошел он пройтись по улицам своего стольного города, переодетый в одежду странника-дервиша, чтобы взглянуть, как обстоят дела у него в столице. На нем был старый залатанный плащ и сношенные сандалии, так что его никто не признавал за шаха. Но он забыл снять прекраснейшее и исключительно драгоценное рубиновое кольцо, и когда он шел, оно рдело на солнцепеке, как капля крови. Одному вору случилось оказаться позади шаха, и он увидел кольцо.

«Ха, – сказал вор про себя, – вот это кольцо, которым я завладею еще до того, как настанет ночь», и он неотступно пошел вслед за шахом по узким торговым улочкам, ни за что не упуская его из виду.

В том городе имелось много фонтанов, в мраморных чашах которых плавали золотые рыбки. У одного-то из таких звенящих фонтанов с чистой прохладной водой, возле Главной мечети, и приостановился шах, в самый немилосердный послеполуденный зной, чтобы зачерпнуть ладонью воды. Когда он так сделал, кольцо незаметно для него соскользнуло, но вор был начеку, и, когда шах отошел, он сунулся в воду руками, думая отыскать кольцо. Но кольца как не бывало – и не удивительно, поскольку его проглотила рыба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.